

**АНДРЕЙ
ФУРСОВ**

ВПЕРЕД К ПОБЕДЕ!

**РУССКИЙ УСПЕХ В РЕТРОСПЕКТИВЕ
И ПЕРСПЕКТИВЕ
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ**

Коллекция Изборского клуба

Андрей Фурсов

**Вперед, к победе! Русский успех
в ретроспективе и перспективе**

«Книжный мир»

2016

Фурсов А. И.

Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе / А. И. Фурсов — «Книжный мир», 2016 — (Коллекция Изборского клуба)

ISBN 978-5-8041-0767-4

Геополитические прогнозы А.И. Фурсова на удивление точно отражают ход истории и дают представление о наиболее вероятных версиях будущего России и всего человечества. Еще в 1990-е он высказал предположение, что вслед за смертью социализма с неизбежностью придет кардинальная трансформация капитализма, в результате чего возникнет более жестокий общественный строй, основанный на иерархии и насилии. Сейчас мы видим, как прогноз 20-летней давности сбывается. В этой работе академик А.И. Фурсов предлагает читателю свой анализ российской истории с момента падения власти Золотой Орды и до распада СССР – с возможными перспективами и вариантами развития. Глубокие знания исторических процессов и событий, неопровержимая логика, незамутненный политической конъюнктурой и идеологическими штампами взгляд делают эту книгу А.И. Фурсова уникальной. Она позволяет читателю увидеть Россию и ее место и роль в мировой истории и мировом сообществе, увидеть русскую историю во всем ее величии и полноте, очищенной от пропагандистских наслоений и клише и понять непрерывность исторических связей и исторической логики русского пути – от Грозного до Сталина и наших дней. Эта книга позволит понять умом Россию и время, в которое нам выпало жить. Второе издание, дополненное.

ISBN 978-5-8041-0767-4

© Фурсов А. И., 2016

© Книжный мир, 2016

Содержание

Предисловие	7
Опричина в русской истории – воспоминание о будущем	8
Русский успех в ретроспективе и перспективе: «добрым молодцам урок»	40
I	40
II	42
III	43
IV	44
СССР: что такое советский проект?[4]	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Фурсов
Вперед, к победе! Русский успех
в ретроспективе и перспективе

«Вперёд, за нашу победу!»

И. Сталин

© А.И. Фурсов, 2016

© Изборский клуб, 2016

© Книжный мир, 2016

* * *

Предисловие

В настоящем сборнике представлены статьи и интервью последних лет, посвящённые весьма разным темам: русская история и советский проект, Сталин и потуги сегодняшних пигмеев-десталинизаторов фальсифицировать историю, капитализм и мировой кризис и, конечно же, ближайшее будущее – автор очень рассчитывает на «холодный восточный ветер», ибо только «выстуженный Северо-восток» (М. Волошин), очищенный от гнили и падали, способен бороться, побеждать и быть в Истории – быть вопреки обстоятельствам. Финальную точку в этой книге я поставил 3 июля – в знаменательнейший день нашей истории. В этот день Святослав разгромил Хазарский каганат, и Русь сбросила хазарское иго. В этот день Сталин обратился к советским людям по радио, завершив своё выступление словами «Вперёд, за нашу победу!» Эти слова и стали эпиграфом к моей книге.

Андрей Фурсов

Опричнина в русской истории – воспоминание о будущем

*И от ветра с Востока пригнулись стога,
Жмётся к скалам отара.
Ось земную мы сдвинули без рычага,
Изменив направление удара.*

В. Высоцкий, «Мы вращаем землю»

Опричнина – ключевое событие русской истории последних пяти веков. Именно она заложила фундамент той уникальной формы власти – автосубъектной, – которая мутировала, слабела, возрождалась, менялась и, тем не менее, при каждой серьёзной смене не только оставалась самой собой, но и приобретала всё более чистую, свободную от собственности и «классовых привесков» (В.В. Крылов) форму – *la plus за change, la plus c'est la même chose* («чем больше меняется, тем больше остается собой»).

Более того, опричнина стала не только фундаментом, но одновременно и эмбрионом этой власти, которой суждено было развиваться по схеме **«преемственность через разрыв»**.

Наконец, опричнина подарила русской истории один из её главных (неглавных больше) принципов – опричный, который, отрицая княжебоярский принцип, оттолкнувшись от него, породил принцип самодержавный и, таким образом, оформил и, если угодно, замкнул триаду, придав обоим принципам самостоятельный характер и заставив их жить собственной жизнью. И в этой собственной жизни каждого принципа именно опричный связывает самодержавно-национальный («народный») и олигархический (княжебоярский) принципы и, в известном смысле, снимает (в гегелевском, диалектическом, смысле) противоречия между ними.

Опричнина, как и её создатель Иван Грозный – оболганное явление нашей истории, порой сознательно, порой от непонимания. Оболганное как большими мастерами науки и литературы (например, на первых страницах замечательного романа А.К. Толстого «Князь Серебряный» мы сталкиваемся с некими мерзавцами, коими оказываются опричники. Конечно же, среди опричников, как в любой «чрезвычайке», хватало «биологических подонков человечества» (И. Солоневич), но суть-то явления ускользнула от «второго Толстого». Как ускользнула она и от мелкой шантрапы, от тех же науки и литературы, а теперь ещё и кино (достаточно вспомнить фильм «Царь»).

Я хочу остановиться на нескольких вопросах:

1) опричнина как историческое явление, его корни – они столь же необычны, как сама опричнина;

2) фактическая сторона дела – очень кратко, основные вехи;

3) суть опричнины, её причины, последствия – кратко-, средне- и долгосрочные;

4) опричный принцип русской истории в противовес олигархическому и самодержавному, с одной стороны, и институциональному, с другой;

5) реализация опричного принципа в русской истории;

6) «грозненские» (Иван IV, Сталин) и «питерская» (Пётр I) версии опричнины;

7) нужна ли и возможна ли в России сегодня (или завтра) новая опричнина (неопричнина) или, точнее, нужно ли и возможно ли возвращение опричного принципа в той или иной форме, и если да, то какова может быть цена.

Истоки опричнины – издавека-долга

Причины, породившие опричнину, уходят в XIV–XV века, в ордынскую эпоху – «Крот Истории роет медленно» (К. Маркс). Превращение русских князей в улусников Золотой Орды принципиально изменило конфликты в среде русской знати, их вектор.

Если в домонгольскую эпоху они по своей логике мало чем отличались от западноевропейских, то под владычеством Орды они стали иными. Поскольку княжества боролись за место под «ордынским солнцем» (или под «ордынским зонтиком»), и от этого зависела судьба не только князя, но и бояр, последние, чтобы взять верх над соперниками, т. е. другими княжествами, должны были поддерживать своего князя, а не бороться с ним, не раскачивать лодку. В результате побеждали те княжества, в которых отношения князя и боярства приобретали характер симбиоза, превращаясь в «княжебоярский комбайн», штуку вполне олигархическую.

Больше и быстрее всех в создании «комбайна» преуспела Москва, и это стало залогом её побед. Именно настырные московские бояре в 1359–1363 годах, когда ярлык на правление был отдан Ордой суздальскому князю Дмитрию Константиновичу, постоянно ездили в Сарай, и не нытьём, так катаньем (и взятками, конечно) выторговали-выклянчили у хана и его «турз-мурз» ярлык для своего князя.

Именно московские бояре во главе с И. Всеволожским в 1432 году окончательно добились у Улу Мухаммеда ярлыка Василию II, а затем, сохраняя «комбайн» во время «великой замятни», уходили вместе со своим князем в Коломну (1433), Вологду (1446), Тверь (1446), а не оставались в Москве с победителями – Юрием Дмитриевичем и Дмитрием Юрьевичем (Шемякой). Московским боярам нужна была победа, но только «одна на всех», и они, бояре, готовы были не стоять за ценой, поскольку знали: их сила – в князе, а сила князя – в них, поскольку нет у него иной опоры, кроме них.

Разумеется, всё это не исключало конфликтов между князем и боярами. Так, в 1379 году в Москве был казнён боярин, сын последнего московского тысяцкого И.В. Вельяминов – то была первая публичная казнь в Москве и, что символично, первым казнённым был боярин. Были и другие случаи. И, тем не менее, до конца XV века, до тех пор, пока была Орда, княжебоярский «комбайн» работал.

Всё изменилось на рубеже XV–XVI веков, когда совпали «уход» Орды, присоединение Москвой огромного массива новгородских земель и женитьба Ивана III на Софье Палеолог. Наличие Орды цементировало княжебоярский «комбайн» перед лицом хана. Теперь, с исчезновением Орды, сам великий князь становился «ханом» (православным), намечая, пока пунктиром, отделение от боярства. При этом внешнее, формальное отделение обгоняло внутреннее, содержательное.

Дело в том, что новая (вторая) супруга Ивана III Софья Палеолог сделала всё, чтобы установить при московском великокняжеском дворе новые порядки. При Иване III это не очень-то удалось: хотя Софья и попыталась завести при дворе новый пышный и строгий церемониал по византийскому образцу, отношения князя и бояр в целом оставались «по старине», патриархально-домашними. Однако с вокняжением в 1505 году Василия III всё изменилось – новый князь, потомок не только Рюриковичей, но уже и Палеологов, повёл себя с боярами как самодержец: практически перестал советоваться с ними, открыто наказывал несогласных, и урезание языка было одним из наиболее мягких наказаний. Так византийская форма обрамила автосубъектное, наведённое Ордой, содержание, и на эту-то форму и «ловятся» историки, не замечая содержание и разглагольствуя о «византийском влиянии».

Однако наиболее важным фактором подрыва княжебоярского «комбайна», заложенной под него бомбой замедленного действия был массив новгородских земель, прихваченный Москвой в 1470-е годы. Этот массив позволил московскому князю начать в невиданном доселе масштабе раздавать земли в качестве поместий, т. е. реально развивать поместную

систему. И хотя первый русский помещик (Бориско Ворков) упоминается ещё в 1328 году, реальное развитие поместной системы стартовало в конце XV века.

Получали поместные земли в массе своей «дети боярские» (т. е. дворяне). Впрочем, поместьями наделялись и представители боярских родов, однако, прежде всего, поместья были средством существования массы мелкого и среднего служилого люда. В результате появился огромный слой, который численно превосходил князей и бояр, слой, чьё обладание вещественной субстанцией полностью зависело от великого князя (после 1547 года – царя). Последний был единственным, кто мог оградить их от произвола богатых и знатных. Ну, а великий князь получил, наконец, иную, чем боярство, социальную опору, что объективно улучшало его властную позицию внутри княжебоярского «комбайна».

Основные противоречия внутри господствующих групп – между князем и боярством, между боярством и дворянством – наметились уже на рубеже XV–XVI веков. Однако в первое тридцатилетие XVI века они не приобрели острого характера, оставались латентными – эти десятилетия были относительно спокойным временем в русской истории: экономический подъём, отсутствие крупномасштабных эпидемий, в целом удачная внешнеполитическая ситуация (за исключением поражения при Кропивне в 1514 году и «крымского смерча» «в исполнении» Мухаммед-Гирея в 1521 году). В целом Московия неспешно «переваривала» то, что проглотила при Иване III.

Ситуация изменилась к 1550-м годам: процесс «переваривания» закончился, наследие ордынско-удельной эпохи, прежде всего земельный фонд, было «проедено»; бояре, привыкшие к вольнице 1530-1540-х годов, причём к вольнице в отношениях как с малолетним, а затем юным великим князем, так и с «детьми боярскими», потихоньку борзели. Противоречия в обществе по поводу доступа к общественному пирогу различных слоёв господствующего класса, их доли в нём (а в России это доступ только через власть) стали обостряться. При этом противоречия внутри господствующего класса (как между верхами, с одной стороны, и средними и нижними слоями, с другой, так и между наиболее знатными кланами) обострялись на фоне обострения противоречий между господствующим классом в целом и населением. Такая ситуация сама по себе требовала консолидации господствующих групп, их замирения. Не случайно собор 1549 года – фактически первый земский собор – был назван Собором примирения, главной задачей которого было прекратить боярские злоупотребления властью по отношению к детям боярским.

Задачи консолидации господствующих групп (одна из серьёзнейших задач практически для всех структур русской власти) в рамках централизации власти решали (или пытались решить) реформы «Избранной рады». Однако если первый этап реформ (первая половина 1550-х годов) способствовал некоторой стабилизации социальной ситуации, то на втором этапе стало очевидно, что какие-то группы должны были вынести на себе основное бремя реформ, и по всему выходило, что это, прежде всего, крестьянство и в значительной степени – низы и средние слои господствующего класса. И это притом, что по «приговору о службе» 1556 года весь господствующий класс, т. е. не только помещики, но и вотчинники, становился военно-служилым, проще говоря, ставился под жёсткий контроль центральной власти. Всё это вело к новому обострению противоречий, которое в условиях сложной внешнеполитической ситуации становилось прямой и явной угрозой центральной власти, центроверху. Разрешить эти противоречия или хотя бы максимально смягчить, равно как и двигаться дальше по пути укрепления центроверха, персонификатору последнего без конфликта с боярством было невозможно. Конфликт назревал, первые ходы в нём сделал царь.

В 1562 году новая духовная грамота несколько отодвинула Боярскую думу (направление удара – власть); затем было издано новое уложение, запрещавшее княжатам продавать и менять старинные родовые земли (направление удара – собственность). К тому же Иван IV объявил решение о пересмотре сделок по княжеским вотчинам аж с 1533 года. То была «чёр-

ная метка», причём весьма адресная: был чётко очерчен первый круг князей, на которых распространялся пересмотр. Так сказать, цели определены, задачи ясны, за работу, товарищи.

В этом «круге первом» оказались представители главнейших родов/кланов суздальской знати – князья Шуйские, Ярославские, Стародубские и Ростовские. По сути, царь «вырыл топор» социальной войны с многочисленной и могущественной знатью: 265 представителей четырёх кланов служили в составе Государева двора, 119 проходили службу по особым привилегированным спискам и 17 сидели в Боярской думе в качестве бояр и окольничих.

Теперь ситуация могла разрешиться только по-ленински: «кто кого». А вот у царя в предстоящей схватке не было никаких институциональных средств борьбы. Напротив, все существующие институты защищали московский старый порядок – княжебоярский, работали против царя, жёстко привязывали его к боярству в рамках «комбайна» ордынских времён. Вот эту связь, цепь, и предстояло разорвать, уничтожив комбайн, а царя – в качестве элемента этого «комбайна» – освободить, превратив в единодержца.

Но как это сделать? Особенно если учесть, что даже первые шаги царя вызвали ответную реакцию – в Литву бежит и начинает там антигрозненскую пропаганду бывший друг царя Андрей Курбский; духовенство и Боярская дума требуют прекратить гонения на знать (жертвами репрессий пали Репнин и Кашин – князья из рода Оболенских и Овчинин). Ситуация предельно обострилась к концу 1564 года.

Теоретически у царя было два очевидных варианта большой властной игры. Один – опереться в противостоянии с боярством на дворянство в целом как класс. Но, во-первых, дворянство само по себе в грозненское время не было классом, оно станет таковым только во второй половине XVIII века, особенно «трудами» Петра III и Екатерины II, и потому-то немецкая самозванка на русском троне сможет опереться на него в противостоянии и вельможам, и гвардии, разрешив таким образом «казус Анны Иоанновны» (с вельможами-«затейниками»-олигархами против гвардии или с гвардией против вельмож); дворянство как класс ещё предстояло создать, а на это не было времени – целой жизни не хватило бы. Во-вторых, «создание дворянства» потребовало бы наделения его некими правами, а в условиях неформальности, бытия-в-себе, в неразвитом состоянии центральной власти это было крайне рискованно. В-третьих, это был путь медленный и эволюционный, на который не только не было времени, но который мог быть насильственно прерван.

Другой вариант – выкидывать белый флаг, растворяться в княжебоярстве, в олигархической централизации, что означало опасность для государства, лично царя и даже династии (достаточно вспомнить события марта 1553 года). Но **был третий вариант, неочевидный, на первый взгляд просто невысказанный, и он-то и был реализован** – Насиб Талеп назвал бы это «чёрным лебедем».

Третий вариант – предпринять нечто нестандартное и чрезвычайное, выражаясь шахматным языком, Иван (а он играл в шахматы и, по одной из версий, умер во время шахматной партии) должен был найти неожиданное продолжение, ошеломив им противника. Царь нашёл решение, и слово, – которое «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» (тютчевское «слово» меняем на «дело») – заложило основу особой власти в форме самодержавия и определило ход русской истории на несколько веков. Словорешение называлось «опричнина». Необычная форма – княжебоярский «комбайн» – вызвала к жизни и необычное, чрезвычайное средство её устранения, выковала своего могильщика.

Опричнина – как много в этом слове...

3 декабря 1564 года, помолившись в Успенском соборе и картинно (царь был большой лицедей) простившись с митрополитом Афанасием, членами Боярской думы, служилыми людьми, царь с семьёй и ближними людьми «погрузился» в санный поезд и под охраной нескольких сот вооружённых людей отправился на богомолье, увозя, к удивлению провожа-

ющих, государственную казну и наиболее почитаемые иконы. Миновав Коломенское и Троицкий монастырь, он обосновался в Александровой слободе, которая, по сути, была естественной крепостью.

Из Александровой слободы царь отправил письмо митрополиту, в котором предъявлял обвинения в адрес боярства и духовенства, говорил о том, что налагает на обидчиков опалу и отказывается от трона, поскольку не может править (казнить и миловать) по своему разумению. Отречение от царства и одновременно опала – в этом есть определённое противоречие: налагать опалу на высшие чины может только царь, а он-то как раз и отказывается от этой «функции».

В то же время царские гонцы распространили в столице письма (по сути, прокламации), в которых от имени царя говорилось, что опалы налагаются только на бояр, и что на посадский люд гнева нет. Таким образом, царь натравливал посадский люд на бояр, используя, выражаясь марксистским языком, классовые противоречия и, находясь, используя уже другой язык, в режиме активного выжидания. Выжидание это далось царю нелегко: он знал, что играет ва-банк и что может проиграть – всего за один месяц, за декабрь, 34-летний царь постарел на несколько лет, ссутулился, облысел. Но паузу выдержал, не сморгнул. Сморгнула противоположная сторона, хорошо помнившая июньский бунт 1547 года (когда толпа рвала боярина Глинского) и справедливо опасавшаяся народного бунта.

5 января 1565 года депутация, состоявшая из «высокопоставленных лиц» была Ивану челом сменить гнев на милость, возвратиться на царство и править страной, как ему хочется. Условием возвращения Иван выдвинул признание государевой воли единственным источником власти и закона. Царь становился над верхушкой господствующего класса и её институтами, и бояре согласились. По сути, это была революция внутри господствующего класса, ломавшая двухсотлетние княжебоярские устои. Однако царь не был наивным человеком, он прекрасно понимал то, что в начале XX века сформулирует Ленин: грош цена революции, не способной себя защитить. Ну а лучшая защита – нападение. Средство социального защитонападения Иван Грозный изобрёл сам – то была опричнина.

Объявив о возвращении, царь в то же время поставил депутацию в известность, что частью страны будет управлять сам, с помощью своих людей; в этой части не будет Боярской думы, приказов и т. п. Царь решил «учинить на своём государстве себе опришнину», т. е. выделить особый удел, в котором заводились новые порядки, новая администрация, новая господствующая группа, а точнее, господствующая группа нового типа – опричники.

В начале XX века Ленин сказал: дайте мне организацию профессиональных революционеров, и я переверну Россию – и перевернул, создав новую властную, а затем и социальную систему. Перевернул, правда, с помощью исторических обстоятельств, этой организацией не только не созданных, но и непредвиденных, а главным образом – с помощью немецкого Генштаба и банкиров Уолл-стрит. Перефразируя Ленина, Иван IV мог бы сказать: дайте мне организацию особого типа, и я переверну Русь, – и перевернул, создав новую властную, а затем социальную систему (самодержавие). Но сделал это без иностранной помощи, чем отличается от двух «антихристов» русской истории – Петра I и Ленина.

Иван Грозный разделил страну на две части: опричнину и земщину. В земщине продолжали править Боярская дума и приказы – но это на бумаге, по сути, и её контролировали опричники, лишь формально ограниченные опричной зоной. В последней же опричники хозяйничали и по сути, и по форме. Опричный корпус в разное время достигал численности от 1 тысячи до 5 тысяч человек; отбирал в него сам царь. В корпусе служили представители всех слоёв господствующего класса – князья, бояре, дети боярские (дворяне). Вступление в опричники снимало «ранговые» различия. Это усиливалось тем фактом, что, вступая в опричнину, человек должен был отречься от родных и друзей, обязывался служить царю и

искоренять крамолу, кусая врагов царя, подобно псам, и выметая измену из страны (отсюда знак опричника – собачья голова и метла).

По сути, опричнина была первой в русской истории чрезвычайной комиссией (ЧК), организацией, поставившей чрезвычайный принцип над институциональным. Они потом не раз ещё явятся в русской истории. Гвардия Петра I, ЧК большевиков: «быль царей и явь большевиков», «бред разведок, ужас чрезвычайяек» – так об этом напишет Максимилиан Волошин в стихотворении «Северовосток». Но первой стала опричнина, а изобретателем и генеральным/гениальным конструктором был Иван Грозный, крупнейший из авторов русских властных инновационных проектов.

По форме организации опричнина отчасти копировала церковную, точнее – монастырскую. Опричную «братию» возглавлял игумен (сам царь), были в ней пономарь, келарь, рядовые монахи. Была общая трапеза. Верхние одежды были грубыми – нищенскими или монашескими, в руках опричника – посох. Но трапеза была не аскетической, а обильной, изысканной, под грубой верхней одеждой скрывалась одежда из тонкого сукна на собольем или как минимум куньем меху и шитая золотом; на поясе под одеждой висел длинный нож. Перед нами эдакий светский орден мече(ноже)носцев, имитирующий церковный; полтора века спустя в виде «всепянейшего и всешутейшего собора» Пётр I доведёт до конца эту имитационную, «опускающую» церковь как институт логику.

Иван Грозный дал чёткое название придуманному им чрезвычайному органу, «властному гиперболоиду» – «опричнина». Обычно упоминают только одно значение этого слова: «опричь» значит «кроме». Однако есть ещё три значения, и все они работают на новую форму, т. е. адекватно характеризует её содержание. Второе значение «опричнины» – так называли крестьян одной социальной категории, вместе записавшихся в монастырь (опричнина как – по форме – монастырская братия). Третье значение – вдовья доля: когда погибал или умирал боярин (дворянин) и некому было служить (нет ни детей, ни племянников или есть только дочери), большая часть владений отписывалась в казну, а часть – «опричнина» – оставлялась вдове. Большой любитель поюродствовать (и чёрного юмора) царь со вкусом применил «вдовью» интерпретацию к своему новому уделу. Наконец, четвёртое значение – «опричниной» называли изысканное, самое вкусное блюдо, которое подавалось для лакомства после того, как основная часть гостей отбивалась, и за столом оставались хозяин и самые дорогие гости – «лутчие люди». Это значение опричнины как нельзя лучше характеризует несоответствие скромной формы и разгульного содержания опричнины.

ЧК под названием «опричнина», по мысли царя, должна была сломить сопротивление знати. Но сопротивление чему? Какое сопротивление стремился упредить царь? Сопротивление тому, что составляет главное, по сути, в опричнине – так называемый «земельный террор». Именно он был «основной операцией», которую должен был обеспечить и прикрыть физический террор, творимый опричниками. Последний был важен, особенно в самом начале, чтобы запугать, как говаривал уорреновский Вилли Старк, «чтобы их внуки в этот день описались, сами не зная почему».

Но физический террор, масштабы которого сильно преувеличены, не был ни единственным, ни тем более главным в опричнине. Главным было «перебрать людишек» и их земли; иными словами, осуществить обещанный пересмотр княжеских сделок по земле, совершённых после 1533 года, т. е. после того, как со смертью Василия III ослабла государева узда на шее боярства. Конкретно речь шла о том, чтобы снять князя или боярина с насиженных мест, даже если это его вотчина, и переселить в другое место, выделив ему там землю – практика вполне ордынская. Но дело было не столько в собственности, в подрыве экономических позиций, хотя и в этом тоже, а во власти: «земельный террор» рвал связь князей с их детьми боярскими, у них «переменялся двор», и их позиции слабели. Недаром одной

из любимых фраз Ивана Грозного была «перебрать людишек». О том, к каким результатам привёл «перебор» – чуть позже, а сейчас – кратко – об основных событиях опричнины.

Уже в 1565 году состоялись первые казни. В 1566 году возник конфликт 300 земцев – участников Собора 1566 года с царём (челобитная об отмене опричнины). В 1567 году – новые репрессии. В 1568 году вспыхнул конфликт царя с митрополитом Филиппом. В следующем году был уничтожен последний удельный князь Владимир Старицкий с семьёй. В 1570 году был разгромлен Новгород и проведено дело «о новгородской измене» в Москве. За этим последовал второй тур «московского дела» – арест, казни и уничтожение полутора десятка опричников, включая Вяземского, Черкасского, Басмановых.

За время опричнины было пролито немало крови – особенно по сравнению с правлением Василия III. Однако по сравнению с тем, что творили современники грозного царя в Западной Европе – Карл IX во Франции во время религиозных войн (Варфоломеевская ночь и другие погромы), Генрих VIII и Елизавета I в Англии, герцог Альба по приказам испанского Филиппа II в Нидерландах, – действия Ивана IV выглядят весьма и весьма умеренно. О злодеяниях западных королей и королев критики Ивана IV, как западные, так и отечественные, почему-то не вспоминают, а ведь всё познаётся в сравнении. Позиция западных пропагандистов разных веков понятна: им нужно очернить Россию, русских и их царя, и обелить себя – одним из качеств западной цивилизации является фантастическая самоапология, изощёренное самооправдание, умение табуизировать неприятные темы (инквизиция, религиозный террор, колониализм и др.). Менее понятна позиция местных автофобов, раздувающих до вселенских масштабов то, что не идёт ни в какое сравнение с социальными преступлениями западных верхов и не выходит за рамки статистической («аристотелевской») нормы. Я уже не говорю о том, что становление центральной власти повсюду в Европе во время кризиса «длинного XVI века» (1453–1648) протекало с кровью, и русские «потoki» были, пожалуй, одними из самых малых. Тем более что длилась опричнина всего семь лет, а затем, в 1572 году была отменена.

Стоп. Откуда мы знаем, что она была отменена?

И если была, то в каком смысле? Именно «отмена опричнины», прояснение этого вопроса позволяет лучше понять её причины, суть и результаты, пролить на них свет.

1572 год – куда подевался «гиперболоид инженера Грозного»?

Впервые предположение об отмене опричнины высказал – без каких-либо доказательств – большой выдумщик по части русской истории Карамзин в 1825 году. Тезис был принят. В 1925 году были опубликованы мемуары Штадена – немца, жившего в России во времена опричнины. Штаден, представивший себя в мемуарах опричником, заявлял, что опричнина была отменена в 1572 году.

Я согласен с Д. Альшицем, что Штадену верить нельзя. Опричником он не был, жил в земщине и сбывал награбленное опричниками. Барыга, враль, не имевший доступа к серьёзной информации. Действительно, за упоминание слова «опричнина» с 1572 года били кнутом – и что?

Какие ещё аргументы приводятся в пользу того, что царь разочаровался в опричнине и потому отменил её? Таких аргументов два, и их убедительно опроверг Д. Альшиц.

Первый аргумент – «битва на Молодех» 1572 года, когда русские, правда, дорогой ценой, нанесли сокрушительное поражение крымцам в 45 км от Москвы. Попутно замечу, что эта битва, значение которой историки, прежде всего либеральные, преуменьшают (а то и вовсе не упоминают эту битву), как минимум, не менее важна, чем Куликовская – потерпи русские поражение, и пришлось бы платить дань крымскому ханству.

Некоторые историки, не приводя конкретных аргументов, утверждают по поводу битвы «на Молодех»: опричники, де показали, что могут мордовать только мирное население.

ние, что они «молодца против овца, а супротив молодца – сами овца»; поэтому якобы не надеясь на своих «кромешников», царь перед битвой «разбавил» войско земскими полками, они-то, под командованием Воротынского, и выиграли сражение. Всё это, однако, досужие домыслы.

Во-первых, **представление о низкой боеспособности опричного войска ни на чём не основано**. Во-вторых, в битве опричные полки под командованием Хворостинина показали себя, как минимум, не хуже земцев. В-третьих, что касается объединённого земско-опричного войска, то оно было создано не потому, что царь сомневался в боеспособности опричников, а по совсем другой причине – именно потому, что он полагался прежде всего на опричников. Дело в том, что в 1568 году был раскрыт заговор под руководством боярина Фёдорова. Заговорщики планировали силами земских полков перебить опричные, захватить Ивана Грозного и выдать его полякам. Вот после раскрытия заговора и было решено создать общее опричноземское войско, в котором опричный сегмент выполнял функцию коллективного «политкомиссара».

Второй аргумент: в 1571 году царь начал казни опричников, это якобы означает, что он разочаровался в опричнине и на следующий год отменил её. Начать с того, что опричников казнили не за то, что они опричники, а в каждом случае была своя конкретная причина. Это первое. Второе заключается в том, что казни решали проблемы отношений внутри опричного корпуса, – были, если пользоваться терминологией Мао Цзэдуна, «исправлением стиля»: репрессии проводили не земцы, а сами же опричники – Малюта Скуратов и Василий Грязной, т. е. одна часть ЧК с одобрения царя устранила другую часть. И, наконец, самое главное: после так называемой «отмены опричнины» опричники заполнили Государев двор, опричное правительство стало называться «дворовым», функционировало оно до самой смерти царя, а точнее, не просто функционировало, а проводило прежнюю политику; правда, физического террора поубавилось (в нём уже не было нужды – воля противников была сломлена, к тому же Борис Годунов усовершенствовал унаследованный от своего тестя Малюты Скуратова «политический сыск», и во многих случаях достаточно было профилактических акций в режиме активного противодействия), а вот механизм земельных перераспределений опричного типа продолжал действовать. Государев двор, «накачанный» опричниной, стал главным органом власти, изменив своё положение по отношению к Боярской думе. Без опричнины такого изменения в положении и роли «президентской администрации» XVI века и помыслить себе нельзя.

Так что же изменилось? Лишь «знаки и возглавья» (М. Волошин), т. е. изменилось – исчезло – слово. Но не дело по своей сути. Дело изменилось по форме: **опричнина из ЧК превратилась в регулярную организацию**, в – худо-бедно – институт. Рискнёт ли кто-нибудь сказать, что когда в начале 1920-х годов ЧК переименовали в ГПУ, её отменили? Конечно же, нет, она стала постоянно действующим институтом.

К 1572 году опричнина выполнила свою чрезвычайную функцию «страха и ужаса», подмяла существовавшие до неё органы власти, во многом обесценила их, «укатала-уездила» опричную территорию, подготовив её к новой жизни.

В этом смысле – «следствие окончено: забудьте» – опричнина была отменена, но не она растворилась в окружающем мире, а в значительной степени растворила его в себе. Как показали события правления Фёдора Иоанновича и Смуты, растворили недостаточно, чтобы превратить шествие новой власти в триумфальное. Но как показало всё правление Михаила Романова и уже первые (до 1649) годы правления Алексея Романова, растворили достаточно, чтобы сделать процесс изменений властно-необратимым. В 1649 году Соборным уложением правнук любимой жены Грозного царя Анастасии Захарьиной-Юрьевой полностью восстановил самодержавие, спроектированное прабабкиным мужем.

Опричнина исчерпала себя не в том смысле, что разочаровала царя, а в том, что за семилетку решила поставленные чрезвычайные задачи и была институционализирована в виде старого по форме, но совершенно нового Государева двора – «чрезвычайки» по определению не вечны. Можно сказать, что и царь, и боярство (правда, последнее не по своей воле) нырнули в котёл с кипящей водой, только царь, в отличие от героя ершовского «Конька-горбунка», в котле не сварился, а вынырнул «добрым молодцем» (не в прямом смысле слова, в прямом он вынырнул облезшим стариком, разве что не Хоттабычем; впрочем, некоторые властно-магические качества благодаря новой технологии власти приобрёл), а вот коллективный боярин – «бух в котёл, и там сварился». Я не злорадствую – иллюстрирую. Тем более что у бояр была своя правда, но то не была системная правда русской истории – столкновение прав всегда трагично.

Опричнина: цели и результаты

Итак, отмены бывают разные, и отмена отмене – рознь. Здесь возникает вопрос о социальной природе, целях и результатах опричнины. Поэтому среди историков нет единодушия.

С.М. Соловьёв, автор знаменитой «Истории государства российского», видел в опричнине форму борьбы государственного строя с боярским, который выходит если не антигосударственным, то негосударственным. В.О. Ключевский вообще не считал опричнину чем-то закономерным и целенаправленным, а видел в ней проявление страха царя, его паранойи. С.Ф. Платонов, ничтоже сумняшеся, квалифицировал опричнину как средство пресечения княжебоярского сепаратизма. Н.А. Рожков результаты опричнины усматривал в землевладельческом и политическом перевороте. М.Н. Покровский – вполне в духе своего подхода – трактовал опричнину как средство перехода от феодализма к торговому капитализму, и от вотчины – к прогрессивному мелкопоместному хозяйству. Советские историки в своей массе рассматривали опричнину сквозь классовую (а часто – вульгарно-классовую капиталоцентричную) призму, трактуя самодержавие как классовый орган дворянства и подчёркивая его антибоярскую направленность, причём главной сферой борьбы объявлялась собственность, землевладение.

Рассмотрим некоторые точки зрения. Начнём с Платонова, с якобы стремления княжат и бояр к сепаратизму. Подобный подход, на мой взгляд, неправомерно переносит на русскую почву западноевропейские реалии – на средневековом Западе феодальная знать действительно имела сепаратистские устремления. Однако на Руси ситуация была иной, и дело даже не в той общей причине, что у нас феодализма не было. Причина вполне конкретна: Русь практически не знала примогенетуры, т. е. наследования старшим сыном **всей** земли, как это было на Западе. В результате на Западе имела место концентрация из поколения в поколение земли в одних руках, и чем древнее род, тем, как правило, больше у него земли, отсюда – формирование крупных земельных массивов, способных к экономическому обособлению, а следовательно, к властному сепаратизму.

На Руси свою долю наследства, прежде всего землю, получали все сыновья – принципа примогенетуры не было. В результате возникала парадоксальная (с западной точки зрения) ситуация: чем древнее княжеский или боярский род, тем меньше вотчины у его представителей. К середине XV века уделы даже удельных князей, не говоря о боярском землевладении, раздробились-измельчали до того, что во многих случаях приблизились по своим размерам к вотчинам обычных служилых людей. В следующем веке эта тенденция сохранилась.

Пример. В роду князей Оболенских в XVI веке насчитывалось около 100 мужчин; площадь княжества – 30 тысяч га. В среднем на душу выходит 300 га – я согласен с теми, кто считает, что с 300 га по-княжески не поживёшь, 300 га – это владения служилого человека. А раз так, то чем древнее и знатнее княжеский и боярский род, тем больше, в отличие от западноевропейских «маркизов карабасов» и прочих «синих бород», он зависит от поместий, от централизации, заинтересован в ней. Русские князья и бояре в массе своей выступали за

централизацию. Вопрос – за какую. Централизация может быть едино(само)державной, а может – княжебоярской, олигархической. Но об этом выборе «русского витязя на распутье» – позже. Итак, схема Платонова не срабатывает.

«Страх и паранойя царя», «политический маскарад», докладывает Ключевский. Однако всё в опричнине – и тщательность подготовки, и выверенность действий, а главное, чёткая продуманность географии опричнины – опровергает такой подход, демонстрирует его непродуманность, легковесность. Какие земли отошли в опричнину? Самые важные в военно-стратегическом и хозяйственном отношении. Прежде всего, это земли, прилегающие к западной границе Руси – шла Ливонская война. В опричнину включили районы добычи соли, зона на севере (Архангельск, Холмогоры). Опричное Среднее Поволжье рассекало волжскую торговлю и ставило её под опричный контроль. Средневожское купечество весьма выиграло от такого хода, именно в опричнину были заложены здесь основы богатства тех слоёв, второе поколение которых придёт в 1612 году спасти Москву и восстанавливать самодержавие, причём не только по религиозно-патриотическим, но и по экономическим резонам. Упрощая, можно сказать, что опричная зона в Среднем Поволжье стала вложением властного капитала, непрямым следствием чего стало второе земское ополчение, ополчение Минина и Пожарского.

Москва тоже была разделена на земскую и опричную части таким образом, чтобы из опричной части легко было попасть в опричный же Можайск и двигаться в сторону опричного приграничья – царь страховался, и было от чего. Иваном двигала не паранойя, а расчёт, пусть во многом и основанный на страхе. Ключевский противоречит себе, когда сам же утверждает: Иван «бил, чтобы не быть битым».

В советской историографии – две линии, отражающие две проблемы, с которыми столкнулись советские историки. Когда стало выясняться, что опричнина была не только по боярству, но и по другим социальным группам, которые не противостояли централизации (здесь та же логика, что и у С.Ф. Платонова), была сделана попытка разделить опричнину на два этапа: антикняжеский и антибоярский. Но как в таком случае объяснить, что жертвами опричнины стала и часть дворянства, т. е. слоя, явно заинтересованного в централизации? К тому же, как мы помним, князья и бояре тоже были сторонниками централизации. Т. е. опричный каток прошёлся по всем группам, заинтересованным в централизации. Парадокс? Увидим позже.

Второй момент. Длительное время советские историки трактовали опричнину как борьбу за передел земельной собственности; цель борьбы – изменить соотношение крупной и мелкой земельной собственности. Однако А.А. Зимин убедительно показал, что опричнина не подорвала социально-экономические («материальные») основы могущества знати, число княжеско-боярских владений в XVII веке осталось практически прежним, тем более что шёл процесс «конвергенции» вотчины и поместья. И если судить об опричнине с **этой** точки зрения, то она, конечно же, своей функции не выполнила, не лишила князей и бояр их собственности – дополнительный аргумент для тех, кто считает, что опричнина провалилась, и царь, разочаровавшись в ней, упразднил её.

Оттолкнувшись от вывода А. Зимина, другой советский историк, В. Кобрин, заключил: поскольку опричнина не изменила тенденций в развитии земледелия, земельной собственности (напомню, что советские историки в подходе к данному вопросу концентрировались прежде всего на отношениях земельной собственности), то и борьба дворянства в союзе с царём против боярства – миф, тем более что от опричнины досталось не только боярству, но и дворянству.

Логично? На первый, поверхностный взгляд – да. Но только в том случае, если подходить к опричнине с узкоклассовых позиций. Однако, во-первых, «классы» в докапиталистических обществах – совсем не то, что при капитализме; во-вторых, кроме собственности

есть власть, и именно она играет решающую роль в русской истории. Я уже не говорю о том, что вся русская история – это история постепенного освобождения власти от собственности, реализация воли к «чистой власти».

Не могу не согласиться с Д. Альшицем, который считает, что, во-первых, конфликт между царём и дворянством, с одной стороны, и боярством, с другой – не миф, но объект этого конфликта – не собственность. Во-вторых, все – и царь, и бояре, и дворяне – были сторонниками централизации, а значит, удары по всем этим группам могут иметь какую-то логику, но иную, нежели, если не сказать вульгарно, узкоклассовая.

Тот факт, что некие группы дружно выступают за централизацию, не исключает возможности различий между ними – вплоть до острейших, антагонистических. И касались они вопроса: за какую централизацию – едино/самодержавную или олигархическую? В чьих интересах – центроверха или верхних слоёв господствующего класса? Каким способом центроверх будет консолидировать господствующий класс? Центроверх будет отражать, выражать или представлять интересы господствующего класса? И многое прочее, а среди этого прочего – главное: как сможет центроверх обеспечить доступ тех или иных групп к «общественному пирогу», т. е. к совокупному общественному продукту вообще и прибавочному продукту в частности.

В XVI веке вопрос «кто кого» по поводу русской централизации, вопрос о том, какой тип, вариант централизации победит, более конкретно – удастся опричнина или нет, решила специфика русского хозяйства, исследованная Л. Миловым и историками его школы.

Главная черта, характеристика русского аграрного хозяйства – то, что на Руси в силу суровости её природно-климатических и природно-производственных условий создавался (и создаётся) небольшой по своему объёму совокупный общественный (а следовательно, и прибавочный) продукт – это так и само по себе, и особенно по сравнению с Западной Европой, и тем более – с Восточной и Южной Азией.

В таких условиях средним и тем более нижним слоям господствующего класса прибавочный продукт может достаться только в том случае, если центральная власть, помимо прочего, будет ограничивать аппетиты верхов – как эксплуататорские в отношении угнетённых групп (чтобы сохранялась какая-то часть прибавочного продукта для неверхних групп господствующего класса), так и перераспределительные по отношению к средним и низшим группам всё того же господствующего класса. Только сильная центральная власть могла ограничить аппетиты «олигархов».

Из-за незначительного объёма прибавочного продукта олигархизация власти в России ведёт к тому, что средней и нижней частям господствующего класса мало что достаётся (а эксплуатируемые низы вообще лишаются части необходимого продукта). Поэтому в самодержавной централизации, в индивидуальном самодержавии, в деолигархизации власти были заинтересованы середина и низы господствующего класса, т. е. его основная часть. Она-то и поддержала царя в его опричном курсе: только грозненское самодержавие могло решить проблемы «детей боярских» в их борьбе с «отцами». Так русское хозяйство работало на опричнину и на самодержавный вектор развития.

Итак, борьба дворянства и боярства – не миф, но главный объект борьбы – не собственность, а власть, поскольку только власть на Руси регулировала (регулирует) доступ к вещественной субстанции, к общественному продукту.

Самодержавие – это особый строй власти (и собственности), при котором господствующий класс консолидируется вокруг центральной власти, причём консолидируется до такой степени, что само функционирование его в качестве господствующего класса возможно лишь через посредство автосубъектной власти, как её функция. И достигнута эта консолидация была с помощью опричнины, которая и была эмбрионом самодержавия. Встав на ноги, самодержавие реализовало крепостничество как средство и форму гарантии получе-

ния своей доли прибавочного продукта именно серединой и «низовкой» господствующего слоя.

Крепостничество – продукт самодержавия, но закрепостителем выступил не Иван Грозный, а Борис Годунов. Однако обратной, если угодно, тёмной стороной обеспечения этих гарантий стала нивелирующая тотализация, функционализация, если угодно – демократизация господствующего класса. Это та цена, которую пришлось уплатить массовым слоям господствующего класса за доступ к минимуму прибавочного продукта.

В условиях небольшого объёма прибавочного продукта только единодержавная власть могла обеспечить доступ к нему всех слоёв господствующего класса, но средством и ценой был нивелирующий надзаконный контроль над этим классом и требование от его представителей абсолютной лояльности.

Главное – лояльность; нелоялен – значит, непривластен, а потому лишаешься земли, а следовательно – прежнего объёма прибавочного продукта. Здесь становится понятно, почему опричнина проехала катком и по части дворянства и вообще по сторонникам централизации.

Логика новой самодержавной власти, а следовательно, и опричнины заключалась в нивелировке господствующего класса в целом перед лицом царской власти. Ещё с доопричных времён, с 1556 года («урavnительное землемерие» Адашева) вотчинники обязаны были служить – власть нивелировала **служебное** различие поместья и вотчины. В социальном персонеже опричника нивелировались **любые** различия между представителями господствующего слоя – сами опричники могли помнить, что одни из них – князья, а другие – худородные, «взятые от гноища». А вот с точки зрения опричнины как ЧК, с точки зрения власти, это не имело никакого значения.

Организирующим принципом опричнины была лояльность этой ЧК как новой форме власти. Нельзя не согласиться с теми, кто считает: главное в опричнине не то, что страна рассекалась по горизонтали, а то, что власть рассекалась по вертикали, причём само существование верхнего, чрезвычайного сегмента обесценивало нижний.

Именно этот верхний сегмент обеспечивал царю необходимую, критическую массу власти-насилия для разрыва княжебоярского «комбайна». Если когда-то внеположенная Руси масса Орды обеспечила великим князьям власть и в то же время сплотила их с боярством, то теперь внеположенная «остальной», земской Руси масса опричной «чрезвычайки» эту связь рвала – с ордынским наследием рвали с помощью новых, обусловленных этим же наследием и его плодами («комбайном») способом: не будь княжебоярства, не понадобилась бы опричнина. **Опричниной Грозный царь ответил не только Киевской эпохе в лице её реликта Новгорода, но и Орде.** В то же время это был ответ на давление Запада – экономическое, военно-политическое и, что не менее важно, духовное. Но это отдельная тема, над которой интересно работает замечательный историк И.Я. Фроянов.

Формально, внешне опричнина (т. е. рождение новой власти, нового строя) выглядела как возвращение к удельной старине: опричнина воздвигалась, надстраивалась над остальной, земской Русью для решения задач, которые из-за слабости общественных сил и институтов, из-за низкого уровня совокупного общественного продукта и связанных с этим медленных темпов общественного развития, из-за создания и консервации в ордынскую эпоху особой властной формы – княжебоярского «комбайна» – могли быть решены только в режиме «чрезвычайки», как в плане организации, так и в плане времени.

Опричнина до конца «дотёрла» удельную систему, устранив даже её следы; окончательно «переварила» Новгород и в значительной степени поставила под контроль церковь. Произошло это рывком – преемственность через разрыв. Ещё раз повторю: терапевтически-эволюционная возможность существовала лишь в теории; в конкретной исторической практике действовать можно было только хирургически. Иначе, в лучшем случае, Россия

превращалась бы в нечто польшеподобное, олигархическое, с перспективой войны всех против всех – так оно и произошло в Смуту, однако грозненский самодержавный каркас не позволил распасться обществу, получившему бифуркационный толчок в самодержавном направлении. В худшем случае Россия просто перестала бы существовать. С учётом этой перспективы и следует оценивать достижения и неудачи опричнины как исторического явления.

Впрочем, опричнина – не только конкретное историческое явление, она ещё и один из принципов русской власти, иными словами, опричнина нетождественна себе в единственном пространстве истории – во времени.

Опричный принцип власти

Следует различать опричнину в узком смысле слова – как конкретное историческое явление, и опричнину в широком смысле – как чрезвычайную организацию и как принцип власти. Опричнина в широком смысле есть чрезвычайная комиссия (организация, орган, корпус), ориентированная на решение внеинституциональным, но легальным способом (или на грани легального и внезаконного, нередко – тайным способом) важнейших задач перераспределения власти и собственности; внеинституциональность и секретность обеспечивают стремительность решения задачи; по выполнении своей миссии ЧК (опричнина) либо институционализируется, либо распускается.

В своём функционировании русские опричнины воспроизводили черты организаций орденового типа и тайных обществ. Не случайно они обрушивались на уже существующие орденовые и конспироструктуры – «боливару» русской истории не вынести двоих, тем более что такие структуры часто имели олигархическую ориентацию, а ещё чаще направлялись из-за рубежа (показателен запрет в России в 1822 году тайных организаций и масонских лож, а в 1922 году – решение о несовместимости членства в коммунистической партии и масонских организациях).

В то же время ни одна опричнина не превратилась в орден в связи с тем, что была чрезвычайным органом власти. Впрочем, это не означает принципиальной невозможности развития событий в таком направлении в определённой ситуации – например, в условиях волнового резонанса внутреннего и внешнего кризисов, ставящих под угрозу существование легальной власти, в ситуации длительной борьбы с институционализированным криминалом и т. п.

Опричнина в общеисторическом смысле есть социальное (организационное) оружие, исправляющее и направляющее в определённый момент ход истории в определённом направлении. Этот момент – точка бифуркации, когда развитие системы зависит не от силы толчка (он может быть слабым), но от направленности, и достаточно небольшого усилия, чтобы двинуть систему в некоем направлении, с которого она по инерции уже не сойдёт. Поэтому достаточно относительно небольшой (несколько тысяч, а порой и сотен человек) группы, чтобы изменить вектор истории – при одном условии: **группа должна действовать в миг-вечность точки бифуркации. Последняя есть пространство и время опричнины, где эти измерения сжаты почти в сингулярную точку, и достаточно слегка изменить направление удара, чтобы изменить ось истории.**

Опричный принцип власти возник как преодоление олигархического и, в свою очередь, породил самодержавный, после чего все принципы зажили собственной жизнью, вступая в непростые отношения друг с другом и сформировав своеобразную триаду или, если угодно, треугольник – самую устойчивую фигуру.

Опричнина как принцип представляет собой комплекс чрезвычайных мер и реализующих их органов и лиц, параллельный контур управления, надстраивающийся над уже существующим и охватывающий его, превращая в свой внутренний объект для перемалывания и переваривания, в источник своего развития.

Как уже говорилось, задача «чрезвычайки» – решение внеинституциональным, быстрым и в то же время легитимным способом таких задач, которые иначе решены быть не могут. В России причинами бытия опричного принципа являются недостаточная степень развития и сформированности социальных сил, слабость институтов, нередко – их заточенность «на прошлое». Эти причины, в свою очередь, обусловлены медленными темпами русского развития, детерминированными незначительным объёмом прибавочного продукта и – в случае с грозненской опричниной – консервирующим влиянием Орды и её наследия, которое потребовало для его преодоления социальной хирургии. По завершении своих функций «чрезвычайка» превращается в регулярный институт и КАК БЫ отменяется без реальной отмены – она институциализируется (опричнина – Государев двор, ЧК – ГПУ).

В русской истории опричнина ситуационно, на краткий миг компенсирует не только слабость институтов и организованных социальных сил, но вообще отсутствие очень важной и имеющейся у многих, если не большинства индоевропейских народов сословия (Варны, слоя) воинов (кшатриев). Служилые люди хороши многим, но в целом ряде ситуаций они не могут заменить профессиональных военных как слой. Служилые – служат, но бывают ситуации, когда надо сражаться, что предполагает не только профессиональную выучку, но дисциплину, определённый тип мышления, поведения и субъектности.

Я уже не говорю о влиянии военно-аристократической группы на гражданскую жизнь и культуру в частности. Показательно, что русские одерживали победу в войнах отечественных, народных, когда военно-служилым становился весь народ (поэтому проваливались все попытки оккупировать Россию), но проигрывали такие войны (или одерживали исключительно тяжёлые победы с большими потерями), в которых народ не был задействован и которые должно выигрывать силами военного сословия.

Итак, «чрезвычайка» есть временная и чрезвычайная русская компенсация отсутствия профессионального военного сословия; дворянство – служилое, по сути, сословие.

Сила опричного принципа и специфика обусловленной им технологии власти таковы, что он может быть реализован и без создания «чрезвычайки». В определённых условиях для решения чрезвычайных задач могут использоваться существующие организации и институты, которые в таком случае начинают действовать неинституциональным образом и в иных, чем исходно «заложенные» в них, целях, т. е. **функционально** превращаются в «чрезвычайку», **содержательно** оставаясь регулярными институтами.

Необходимо особо подчеркнуть, что опричнина направлена на создание новых форм, которые подчиняют старые, используя их в качестве фундамента для создания новых систем. Не случайно результатом первой опричнины было московское самодержавие, второй – петровско-петербургское, третьей – СССР, советский коммунизм. Опричный принцип созидателен по определению. Поэтому, например, керенщина или горбачёвщина не могут считаться формами реализации этого принципа, поскольку их целью – сознательно или стихийно-объективно – было разрушение, управленческий хаос; к тому же и у Керенского, и у Горбачёва были кукловоды – как внутри страны, так и за рубежом; опричнина же по определению не марионеточное явление.

Чрезвычайный (опричный) контур власти был мерой, направленной против встроеной в русскую власть с княжебоярских времён и постоянно присутствующей в ней тенденции к олигархии, против олигархического принципа. Весьма показательно, что даже в XVIII – первой половине XIX века в начале правления каждого монарха вельможи каждый раз пытались протолкнуть олигархический проект, ограничивающий самодержавие, превращающий его в олигархическое самодержавие. В СССР торжество олигархии называлось «возвращением к ленинским нормам власти».

Наиболее отчётливо стремление олигархизировать самодержавие проявилось в попытках вельмож ограничить центральную власть при воцарении Екатерины II и Александра I.

Ну, а декабристы своим собором из 120 навечно назначенных бояр и подавно под видом республики стремились реализовать олигархическое самодержавие, в котором тотально-самодержавная, по сути, бюстительная власть должна была надстроиться вполне опричным образом над системой разделения властей. По этому поводу, перефразируя Троцкого, можно сказать: «без царя, а правительство – боярско-самодержавное».

В самом конце XIX века власть в России просто олигархизировалась: «единодержавие мало-помалу обращалось в олигархию, увы! не достойных, а более бесстыдных», – писал в своих воспоминаниях о позднем самодержавии Н.Е. Врангель. То же самое произошло с поздним коммунизмом: власть в СССР в 1960-1970-е годы – это олигархия, т. е. произошло то, с чем упорно боролся Сталин.

И вот что показательно: **олигархизация власти в России, торжество олигархического принципа, объективно ослабляющего центральную власть, всегда было на руку западным противникам России**, и они работали на развитие именно этого принципа как прямым (ослабление России финансово-экономическими, военно-политическими и информационно-психологическими средствами, последние – от идейно-религиозной диверсии под названием «церковная реформа XVII века» до «художеств» времён холодной войны), так и косвенным образом (способствование развитию в России альтернативных форм власти – масоны, революционеры и т. п.).

Существует прямая положительная корреляция между уровнем интегрированности России в мировую капиталистическую систему и степенью мощи олигархического принципа. Неслучайно наибольшую силу он набирал в послереформенной России и после-коммунистической РФ, да и в СССР он набирал силу прямо пропорционально экономической и культурно-психологической интеграции страны, её верхов в капиталистическую систему.

Замечу ещё раз: олигархический принцип встроен в автосубъектную власть. У нас это наследие княжебоярского «комбайна», от которого никуда не деться, это выстрел из ордынского прошлого Руси, стрела, расщепить которую влёт призван опричный принцип – выстрел из будущего. Столкновение двух принципов породило самодержавие и, соответственно, самодержавный принцип, который, как уже говорилось, начал жить самостоятельной жизнью, замкнув «триаду».

Много опричных, хороших и разных?

Исторически первой опричниной была таковая Ивана Грозного. Вторая опричнина – петровская гвардия. «Бархатной» формой реализации опричного принципа были «Редакционные комиссии», готовившие отмену крепостного состояния, и «Верховная распорядительная комиссия» Лорис-Меликова. Наконец, третья опричнина – это большевики, XX век. Здесь, однако, ситуация далеко не проста.

Организацией квазиопричного типа была ленинская партия профессиональных революционеров. Придя к власти с иностранной помощью, она довольно быстро выродилась в «ленинскую гвардию», особенно после того как в 1923 году растаяли последние надежды на мировую революцию, ради которой брали власть в октябре 1917 года и курочили страну в 1918 году, провоцируя гражданскую войну, и гигантские счета в иностранных банках из мир-революционной собственности превратились в личную. «Гвардия», олигархический характер которой признавал сам Ленин, в 1920-е годы повела страну если не к разрушению, то к окончательному превращению в придаток Запада. Именно с этой выродившейся, в значительной степени связанной с фининтерном («правые глобалисты») и сильной как фактор мирового масштаба («левые глобалисты» – Коминтерн), уже не красной и немолодой (во всех смыслах) «гвардией», пришлось столкнуться Сталину в ходе создания сильного советского государства.

К этому столкновению Сталин подошёл творчески: он полностью использовал опричный принцип, не создавая при этом свою опричнину – последнее было невозможно. В то же

время существующие институты и структуры были ориентированы на «гвардию Ильича» – по крайней мере, так они задумывались и конструировались. Вот эти уже существующие структуры Сталин сумел заставить выполнять чрезвычайные, внеинституциональные функции, работать в качестве его опричнины, т. е. чрезвычайного органа, ориентированного на цели, прямо противоположные исходным – «и лучше выдумать не мог».

Сталин заставил регулярные структуры работать в чрезвычайном, т. е. несвойственном их природе (содержанию), функциям и целям режиме, рекомбинируя и сталкивая их. Он не всегда побеждал, ему приходилось отступать и кружить, «сживая врага со света», его жизнь часто висела на волоске, особенно в 1936–1938 годах. Однако в конечном счёте он выиграл, обогатив опричный принцип нестандартным применением.

Опричнина Сталина – это **опричнина без опричнины**, функциональная опричнина. Успеху сталинской игры в немалой степени способствовало то, что в молодом советском обществе институты ещё не до конца оформились и их можно было на какое-то время «перепрофилировать» или вообще использовать неинституциональным способом. Как только оформление произошло – это случилось во время Великой Отечественной войны, – пространство опричных игр стало сжиматься и, в конечном счёте, сжалось до одной отдельно взятой фигуры – вождя, а после его смерти началась олигархизация.

Русские опричнины были очень разными, каждая из них соответствовала своему времени. Так, опричнина Ивана Грозного приняла форму монастырской, церковно-орденской организации. Петровская опричнина в духе XVIII века была гвардией. Большевистская – в духе XX века – партией, правда, невиданного доселе «нового типа». Наконец, Сталин использовал опричный принцип с опорой на властные структуры и спецслужбы. Однако суть, чрезвычайная и в то же время легальная, оставалась прежней, как и целевое назначение – подчинение существующих властных институтов новой форме, которая сначала явлена в виде «чрезвычайки», надстроенной над ними, рядо-положенной им или перезагружающей их.

Опричнина представляет собой орган комплексного воздействия на социальный процесс, комплексный аппарат управления. Здесь задействованы властное измерение (энергия), собственническое (вещество) и идейное (информация). При этом от опричнины к опричнине роль и значение психоинформационного измерения возрастает. Если в опричнине Ивана Грозного оно играет минимальную роль, то в таковой Петра I оно на первом плане – культурный переворот, изменение психоисторического кода, правда, переворот, охватывающий только верхушку.

В ситуации применения опричного принципа Сталиным, так же, как и в опричнине «профессиональных революционеров», психоинформационный аспект не только приобретал первостепенное значение, но его объектом становились все слои населения.

И ещё одно. Каждой последующей опричнине приходилось иметь дело с обществом, находившимся в худшем социальном и социально-психологическом (психическом) состоянии, чем то, с которым имела дело предыдущая «чрезвычайка». Опричнина Ивана имела дело с относительно здоровым обществом, груз его проблем накапливался в течение длительного времени, развитие шло медленным темпом, русское население было свободным. Наиболее острые противоречия концентрировались главным образом наверху социальной пирамиды. Пользуясь пушкинскими метафорами, можно сказать: «море слегка разыгралось», «помутилось синее море».

Пётр курочил всё ещё сильное, но уже не вполне здоровое русское общество – подгнило что-то в царстве русском. Этим чем-то были, во-первых, результаты раскола, надломившего русскую жизнь и вымостившего дорогу петровским преобразованиям и его «бесеняткам»; во-вторых, крепостное, т. е. несвободное состояние части русских людей – тоже

своего рода раскол; в-третьих, беспокойство «бунташного века» – «неспокойно синее море», «почернело».

Сталин «работал» опричный принцип в очень больном обществе – пореформенно-революционно-после революционной России, в России эпохи Смуты 1870-1920-х годов, когда декаданс верхов тесно перемешивался с разложением низов (Распутин в этом плане – фигура квинтэссенциально символичная). Мало того, что в пореформенной России, давшей свободу силам гниения, распада, подмороженной Николаем I, шёл процесс разложения старого, обгонявший процесс социальной организации, – на всё это наложились хаосогенные результаты революции и гражданской войны («быль царей и явь большевиков» – М. Волошин), стихия, развязавшая руки «биологическим подонкам человечества» (И. Солоневич), и планомерная деятельность по уничтожению России и русских интернационал-социалистами («замыслы неистовых хирургов / И размах мастеров» – М. Волошин). Ну а в довершение – отвратительный НЭП, добавивший к разложению старого режима ещё более быстрое и отвратительное по форме разложение нового режима, НЭП, провалившийся уже в середине 1920-х годов и тащивший за собой в Тартар Истории, т. е. в сырьевое и «культурное» рабство у буржуинов, советскую страну. Плюс сопротивление и вражеское окружение («...на море чёрная буря: / Так и вздулись сердитые волны, / Так и ходят, так воем и воют»).

Иными словами, сталинская «опричина» имела дело с очень больным – сверху донизу – обществом. И к тому же с неизмеримо более сложным обществом, чем в XVI или XVIII веке, неизмеримо более сложным и враждебным внешним миром и неизмеримо более сложными, почти неразрешимыми задачами на повестке дня.

Ясно, что больное общество лечить намного тяжелее, чем легко- и среднебольное, тем более что лекарей и средства для лечения надо извлекать из этого больного, взбаламученного общества, из «России, кровью умытую» и уже привыкшей к крови, с трудом понимающей иной язык и, главное, перешедшей от «горячей» гражданской войны 1918–1922 годов к «холодной гражданке» 1920-х, которую будут усмирять встречным пожаром репрессий 1930-х годов и которая окончательно выдохнется во время Великой Отечественной войны. И то, что в таких условиях Сталин не создал свою опричину, а использовал опричный принцип как кладенец-невидимку, является скорее плюсом, чем минусом. Впрочем, каждое приобретение есть потеря, и каждая потеря есть приобретение, как говорят наши заклятые «друзья» англосаксы.

Различия между тремя опричинами не сводятся лишь к тому, что сталинская была скорее принципом, материализовавшимся в различных организациях, а таковые Ивана IV и Петра I – конкретными организациями-«чрезвычайками». Ещё более важно и серьёзно другое отличие – по содержанию, классовой и цивилизационной («национальной») направленности.

Опричины Ивана и Иосифа Грозных («грозненькая» версия опричины) – это одно. Опричина Петра I («питерская» версия) – другое. Различия следует искать в том, насколько эти варианты спланировали страну, власть и народ в единое целое, как работали на развитие России как особого культурно-исторического типа (цивилизации).

«Грозненькая» версия опричины в обоих своих вариантах носила ярко выраженный национальный характер, спланивала верхи и низы в достижении единой цели, а в цивилизационном плане – была выражением самобытного развития России, антизападной по направленности (в одном случае – антифеодальной, в другом – антикапиталистической); обе опричины представляли собой, помимо прочего, **диктатуру над потребностями прежде всего верхов.**

«Питерская опричина» представляет собой жестокое («огнём и мечом», а точнее, дыбой и топором) создание новой господствующей группы, оторванной от народа и противопоставленной ему, социокультурно ориентированной на Запад и способной в силу этого

к беспощадной эксплуатации русского населения как туземно-чужого. По различным оценкам, за петровское правление уровень эксплуатации населения властью и господствующими группами вырос в 5-10 раз по сравнению с 1670–1680 годами, и это при неизменном уровне создаваемого совокупного общественного продукта. Ясно, что речь идёт просто об узаконенном грабеже, и неудивительно, что его результатом стало сокращение населения на 20–25 %, разорение целых социальных групп и погром экономики, от которого она оправилась только к середине XVIII века.

К этому же времени относится окончательное социально-экономическое (но не социально-политическое) формирование нового – западоидного – дворянства, дерущего с крепостных рабов три шкуры и не считающего их людьми. Дело в том, что довольно скоро после оформления крепостничества в 1649 году стало ясно: московское самодержавие как форма неадекватно крепостнической системе, не может обеспечить её реальное развитие, так как господа и крепостные относятся к одной культуре, у них одни и те же вера, ценности, язык, да и быт отличается не качественно. Для полномасштабной реализации крепостничества нужна была другая по форме и технологии власть, другая форма самодержавия – такая, где верхи и низы отличаются друг от друга как два субэтноса.

Эту систему создал Пётр на основе западных властных и гуманитарных технологий. Его «кромешники» – это уже не ордынская или московская технология власти, а западная, отлившаяся в форму гвардии. Без этой технологии, без гвардейско-армейской оккупации страны, русские верхи не превратились бы в отдельный народ, русские крепостные не стали бы рабами екатерининских времён, а крепостное состояние так и осталось бы зачаточно-русским, относительно мягким.

Ну, а формально реализации этой технологии внутри России помогла внешняя военная ситуация – Северная война, с которой началось интенсивное и жестокое включение России по политической линии в мировую систему XVIII века, в отстоявшуюся за вторую половину XVII века «вестфальскую систему», и в которой власть (а позднее историки) оправдывали петровские «реформы».

Формально – во-первых, потому что главные победы в войне были одержаны не новой армией и флотом, а старыми. Победу при Лесной, «матерь полтавской виктории», одержали полки «старого строя», а главные морские победы над шведами одержал не парусный, а гребной флот.

Во-вторых, что ещё более важно, эксплуатация продолжала нарастать и после того, как в войне произошёл перелом (1708 год – битва у Лесной; 1709 год – Полтавская битва; 1714 год – Гангутский бой), и Россия медленно, но верно пошла к победному для неё финалу 1721 года. Ещё в 1716 году Военный Устав был распространён на гражданскую службу: уже после окончания войны, в соответствии с законом о поселении полков («Плакат», 1724 год), армейские полки (200 тысяч человек) были размещены на вечные квартиры по губерниям и уездам для сбора подушной подати, контроля над населением (чтоб никто не покидал местожительства без разрешения) и гражданской администрацией, выполнения полицейских функций. Всё это нельзя охарактеризовать иначе, как оккупацию собственной страны – Грозный оккупировал только часть, и то временно.

Иными словами, не в войне дело, а в задаче резкого усиления социального контроля в целях увеличения и ужесточения эксплуатации. Причём до такой степени, что «птенцы гнезда Петрова» вынуждены были серьёзно притормозить политику Петра буквально через несколько недель после его смерти (записки генерал-прокурора Ягужинского императрице о неминуемой финансовой катастрофе из-за разорения крестьянства).

Однако, как в случае с Иваном IV и Смутой начала XVII века, петровская опричнина набрала инерцию и, несмотря на вялотекущую «смуту наверху» в виде дворцовых переворотов, в елизаветинско-екатерининское правление из петровской опричнины откристаллизо-

валось петербургское самодержавие (правда, с привкусом и послевкусием дворянства, с которым пытались бороться Павел I и Николай I), если так можно выразиться – «самодержавие с дворянским лицом».

Логическим результатом петровской опричнины и имманентной чертой петербургского самодержавия, достигшей пика при Екатерине II, стало полное рабство крепостных и усиление в её правление в 3–4 раза эксплуатации как частновладельческих, так и крепостных крестьян. И это при внешних и внутренних займах, из-за которых госдолг к концу правления «матушки» достиг 200 млн. рублей, и России удалось расхлебать эти результаты правления Екатерины только в николаевское время благодаря реформе Е.Ф. Канкринина.

Таким образом, объективно векторы «грозненских» и «питерской» опричнин были разными, именно поэтому я их и противопоставляю друг другу. Но различие не только в направленности, т. е. в перспективе, но и в ретроспективе. Чрезвычайные режимы Ивана и Иосифа Грозных вводились по схожим обстоятельствам. К середине 1560-х годов, как и к концу 1920-х, было проедено материальное наследие – «вещественная субстанция» – предыдущих эпох. В 1560-е годы был исчерпан земельный фонд, из которого дед и отец Ивана IV черпали землю для раздачи в качестве поместий. Исчерпан до такой степени, что Ермолай Еразм советовал царю перестать раздавать детям боярским землю, а посадить их на «продовольственный паёк» – этот «подход» будет реализован в сталинскую эпоху, когда различные ранги номенклатуры станут отличаться друг от друга объёмом и качеством потребляемого.

В 1920-е годы было исчерпано наследие дореволюционной эпохи: промышленность развалилась, сельское хозяйство стагнировало, оба эти сектора не создавали друг другу условий для расширенного производства.

В 1564 и 1929 годы перед властью стоял нелёгкий выбор: за счёт кого предпринять новый рывок, кто станет главным источником материальных средств для рывка и создания новой формы власти – верхи или низы? Ясно, что так или иначе, в той или иной степени – и те, и другие. Но в какой степени? В каком соотношении? И какой будет ориентация рывка – государственно-национальная или олигархическая с оглядкой на Запад?

Иван Грозный и Сталин выбрали удар по верхам (впрочем, и низам досталось) и национально-ориентированный курс. Земщина (боярские фамилии) против своей воли профинансировала опричнину. «Ленинская гвардия» – тоже против своей воли, но продлевая себе тем самым жизнь, – в значительной степени профинансировала индустриализацию: награбленные в России с 1917 года миллионы фунтов, долларов, франков, марок, драгоценности, которые «гвардейцы Ильича» размещали в западных банках, сначала главным образом для целей мировой революции (т. е. мирового захвата власти), в топке которой планировалось сжечь Россию, затем главным образом для себя – страховка на всякий пожарный случай.

С конца 1920-х годов и, с ускорением, после 1929 года деньги стали возвращаться в СССР: фонд «мировой революции»/личных сбережений верхушки «партии нового типа» заработал на индустриализацию «одной, отдельно взятой страны». Именно этого больше всего не могут простить Сталину сродственники и потомки большевистской верхушки, отсюда – ненависть, здесь её «логово», как сказал бы Глеб Жеглов. Возвращение стране награбленного совпало, естественно, и с властной атакой на владельцев капитала – исчерпание последних стало не только властным, но и жизненным финалом гвардейцев «большевистского кардинала» – победили сталинские «мушкетёры», эффективно охотившиеся за алмазными «подвесками» по всему миру.

Это то, что Гегель называл коварством Истории: награбленное было возвращено и позволило СССР в течение десяти лет выйти на второе место в мире по объёму производства. Те, кто готовил России место в топке мировых процессов, сами угодили в неё, а пепел был унесён ветром Истории, прямо по Рембо (в переводе Е. Витковского):

*Я плыл вдоль скучных рек, забывши о штурвале:
Хозяева мои попали в плен гурьбой —
Раздев их и распяв, индейцы ликовали,
Занявшись яростной, прицельною стрельбой.*

И действительно, бывшие хозяева страны, корёжившие её на потребу левых и правых глобализаторов с их прожеками «мировых Венеций» и – фактически – мирового правительства и державшие русских за своего рода индейцев, попали в плен к власти, развернувшей социализм именно в сторону «индейцев», представители которых и занялись в чрезвычайном режиме прицельной стрельбой по ленгвардейцам в подвалах Лубянки. Как говорится, «ступай, отравленная сталь, по назначенью». И это назначение совпало с задачей индустриализации России (СССР), не позволившей гитлеровскому Евросоюзу смять нас, т. е. – с задачей общенациональной.

Питерская версия опричнины versus грозненские, или погоня за убегающим пространством

В отличие от грозненских опричнин, возникших на основе и в условиях исчерпания системой вещественной субстанции предыдущей эпохи, что ребром ставило вопрос перераспределения (кто исключает кого? кто отсекает кого от общественного «пирога»/ продукта и в какой степени?), появлению «питерской» опричной версии не предшествовало никакое исчерпание вещественной субстанции.

Напротив, последнее тридцатилетие «бунташного» XVII века, не будучи спокойным, как и весь век, и не идя ни в какое сравнение, например, с тридцатилетиями 1500-1530-х, 1825-1855-х или 1955-1985-х годов, в целом всё же было нормальным. По крайней мере, оно не ставило вопросы о переделе власти и собственности из-за нехватки вещественной субстанции. Вопрос был иным и возник на иной основе.

Выше уже говорилось о том, что московское самодержавие в силу его патриархальности не могло обеспечить такое функционирование крепостничества, которое было бы адекватно сути этой системы. Во-первых, оно не обладало достаточной «массой» насилия и социального контроля; достаточно заметить, что подавление казацко-крестьянской войны Степана Разина потребовало задействовать половину вооружённых сил страны в сорока крупных сражениях. «Бунташный век» – реакция на крепостничество – показал, что вставшему на ноги самодержавно-крепостническому строю нужна иная, уже не ордынско-московская, а западная технология власти, с помощью которых можно осуществить новое завоевание страны (перезавоевание, оккупацию: «проходят петровцы – салют Батью»).

Восстановив в середине XVII века грозненское самодержавие и установив крепостничество, московское самодержавие лишь зафиксировало некое состояние, но не смогло сколько-нибудь серьёзно двинуть его дальше. Крепостные порядки мало продвигались, несмотря на их развитие вширь и вглубь; они не пускали сильных корней. Так, во второй половине XVII века после смерти старого хозяина новый брал с каждого крепостного личную клятву быть крепким наследнику, т. е. налицо личные отношения. А ведь крепостное право предполагает автоматическую и безличную вечную службу семьи крепостных семье их владельца. Что-то, помимо нехватки насилия, мешало, сопротивлялось в XVII веке установлению такого порядка.

Во-вторых, и это имеет отношение к указанной помехе (я уже говорил об этом выше), крепостничество требовало не просто большего социального контроля, а резкого качественного усиления дистанции между господами и угнетёнными, слома той патриархальной практики, отношений верхов и низов, которые существовали с киевских времён, упрочились в ордынские и московские времена, получив дополнительный стимул во время Смуты и

послесмутного восстановления, и в основе которых лежали общие, разделяемые верхами и низами язык, вера, ценности, тип культуры. Обеспечение такой дистанции требовало не только переворота-разлома в культуре, но создания новых властных институтов (старые, например, земские соборы, с середины XVII века затухали), новых, более эффективных задачам самодержавно-крепостнического строя и новой европейской эпохе господствующих групп.

Фундамент для увеличения дистанции между верхами и низами объективно закладывали Алексей и Никон с помощью церковной реформы. Раскол был первым по-настоящему крупным, масштабным духовным (психоинформационным), социальным и организационным – короче, психоисторическим конфликтом, вызванным самодержавием в соответствии со своими внутренними и внешними (последние в данном случае были ложными, «навеянными» иезуитами простоватому, мягко говоря, Алексею) целями. Однако линия алексеевско-никоновского раскола не прошла чётко между верхами и низами: сторонники старой веры были во всех слоях. И всё же представитель бездарной династии Романовых Алексей и Никон нанесли **первый мощный удар как по русской традиции, так и по единству населения.**

В известном смысле раскол может рассматриваться как генеральная репетиция по отношению к петровским реформам (ср. Просвещение и Французскую революцию, а также террор в России конца 1870-х и революцию 1905–1907 годов, с одной стороны, и революцию 1917 года, с другой). И всё же задачу дистанцирования никоновская психоинформационная акция не решила, поэтому-то Аввакум, возражая тем, кто видел в Никоне антихриста, говорил: «Дело-то его и ныне уже делают, только последний-ет чёрт не бывал ещё». Т. е. антихриста пока нет, но он явится. Он и явился – в виде мальчика с кошачьими усами и непропорционально маленькой головой на жердеобразном бесплечем теле.

Таким образом, не истончение вещественной субстанции прошлой эпохи, а её передел в целях создания новых форм социального контроля, потребовавших, в свою очередь, создания новых властных институтов, независимых как от низов, так и от верхов, и, самое главное, новых господствующих групп, оторванных и автономных от низов, отделённых от них в плане культуры и способных жестоко эксплуатировать их – эдаких психоинформационных киборгов, «чужих» и «хищников» в одном флаконе, но таких киборгов.

Эта задача была решена Петром с помощью его опричнины, развернувшейся после перелома в войне со шведами. Как и всё в России, включая все опричнины, петровская полностью и всех своих целей не достигла, Россия – вязкая страна. «В этой стране, вязкой как грязь, ты можешь стать толстой, ты можешь пропасть», – пелось в одной из песен группы «Наутилус Помпилиус». Задолго до «наутилусов» Победоносцев заметил, что Россия – тяжёлая страна: ни революция, ни контрреволюция здесь до конца не доходят. А потому, добавлю я, результаты первой и второй внешне здесь часто похожи. Так же, кстати, и с опричниками: **конкретно-исторические различия между ними не стоит абсолютизировать**; главные различия носят, как сказал бы М. Вебер, «идеально-типологический», векторный характер.

Как я уже сказал, всех целей петровская опричнина не достигла. Произошло это по нескольким причинам. Во-первых, Пётр «на тысячу рванул как на пятьсот – и спёкся» (В. Высоцкий). Я имею в виду то, что петровская опричнина быстро проела то, что создавалось в течение десятилетий до неё, проела, помимо прочего, из-за **фантастического воровства «птенцов-кукушат гнезда Петрова»**, масштабы которого несопоставимы с таковыми грозненских опричнин (и это ещё одно различие между двумя типами русских опричнин, связанное, кстати, с их направленностью и вопросом о соотношении контроля со стороны центра над верхами и низами). Результат – истощение страны и курс на отмену «чрезвычайки».

Во-вторых, главным образом пассивное сопротивление населения, помноженное на необъятные пространства, которые с трудом поддавались «неоинституционализации» (читай,

например, «Старые годы в селе Плодомасове» Лескова). В-третьих, стремление монархов всё более опираться на дворянство в целом, чтобы ослабить хватку чрезвычайки-опричгвардии на горле монархии. А такая опора предполагает уступки дворянству, вплоть до очень существенных при Екатерине II, которая, будучи муже/цареубийцей и, по сути, самозванкой на троне, вынуждена была допустить элементы дворянства. Эти элементы не усиливали самодержавие непосредственно, но усиливали крепостничество, т. е. то направление во внутренне противоречивой опричнине Петра I, которое было направлено на создание господствующих групп нового типа. Усилили до того, что самодержавию в лице Павла I и особенно Николая I пришлось вступить в борьбу с этой тенденцией и её персонификаторами. Эти два царя, перефразируя Блока, могли бы сказать: «Пётр, «дай нам руку, помоги в немой борьбе» с тем джином русской истории, которого ты полусознательно выпустил, если не из бутылки своей опричнины, то с её помощью». Но Пётр помочь уже не мог – Россия начала медленно загнивать, Николаю I удалось лишь подморозить её, ну а реформы Александра II «спасали» самодержавие путём институционализации гнили и распада.

Вернёмся, однако, к результатам петровской опричнины. Не достигнув всех целей, они, как и опричнина Ивана Грозного, оказались сильны своей инерцией (в том числе и потому, что измотали население и, заставив его бороться за выживание, заблокировали возможность эффективного сопротивления) и привели уже в екатерининское время к главной из поставленных целей: создали новую господствующую группу квазизападного типа, способную жестоко эксплуатировать крепостных, относительно эффективно контролировать огромную территорию и защищать её от внешнего врага как свою зону.

Достижению целей петровской опричнины способствовал ещё один мощный фактор, который в начале XVIII века сработал на питерскую версию опричнины так же, как в середине XVI века – на опричнину Ивана IV. Этот фактор – русское сельское хозяйство с его невеликим продуктом, следствием чего является господство экстенсивного типа развития над интенсивным.

Компенсируя слабые возможности интенсификации, развития вглубь, русское хозяйство развивалось вширь – путём экспансии. Это, прежде всего, монастырская колонизация XIV–XV веков, ну а в XVI веке русский человек перевалил за Камень (Урал) и начал осваивать Сибирь. Русофобы квалифицируют русскую экспансию как имперскую, якобы свидетельствующую об агрессивности и политическом экспансионизме России и русских. На самом деле экспансия носила, во-первых, хозяйственный характер; во-вторых, народный (помимо прочего, в XVII веке народ, наиболее активные его элементы побежали сначала от самодержавия, а затем от никонианства). И только в-третьих, можно говорить о политическом характере экспансии, обусловленном прежде всего тем, что власть гналась за растекавшимся народом, бежала за ним, стремясь откристаллизовать эту жидкость, «подморозить» и в таком виде поставить под контроль. Но в основе всего, повторю, специфика русского хозяйства с его малым продуктом. Отсюда – экстенсив, постоянное расширение русского пространства. Закончился в конце XIX века экстенсив, и шарахнули революции начала XX века, а затем возник советский коммунизм – попытка (впервые в таком масштабе в русской истории!) превратить русское экстенсивное развитие в интенсивное.

Во второй половине XVII века в процессе освоения русскими евразийского пространства произошёл качественный скачок, к которому московское самодержавие не было готово и которому оно не было адекватно. Оно не поспевало за стремительно растекавшимся по стремительно расширяющемуся русскому пространству населением, не годилось для выполнения этой задачи. Не только внутренние факторы, но и внешние – территориальный рост, сопровождающийся увеличением внешних угроз, делали его неадекватным новым задачам, задачам новой эпохи. А эпоха эта характеризовалась превращением Московской Руси в то, что Ф. Бродель называл «мир-экономикой», а И. Валлерстайн – мир-системой. В

XVII веке Московское царство стремительно превращалось в мир-систему, которая просуществовала до середины XIX века и пиком развития которой станет николаевская эпоха. После Крымской войны Россия станет превращаться в элемент мировой системы, однако сталинский национал-большевизм вырвет её оттуда и превратит в мировую антикапиталистическую систему, пиком развития которой станет брежневская эпоха.

Ключевский называет третий период русской истории великорусским, датируя его серединой XV – началом XVII века (я бы прибавил полстолетия). Главной чертой этого периода историк считал растекание главной массы русского населения из верхневолжской области на юг и восток по донскому чернозёму. Н.П. Огановский именуется этот период московским, доводит его с середины XV до конца XVII века (я бы убавил полстолетия) и подчёркивает колонизацию Поволжья и Прикамья. По сути, оба историка говорят о стремительном растекании русского населения во все концы – власть не поспевала за ним. «Текущий элемент русской истории» – так характеризовал русский народ Ключевский. Власть, иными словами, не поспевала за мир-системой, она была патриархально-московской, а нужна была российской, «мир-системная» («имперская»).

Более того, с 1620-х годов, считает Ключевский, начался новый период русской истории – всероссийский, продлившийся до середины XIX века. Н.П. Огановский называет этот период имперско-дворянским, правда, связывает его не с XVII, а с XVIII – серединой XIX века. Оба историка говорят о втором колонизационном поясе (Новороссия, Нижнее Поволжье), о распространении русского народа по всей равнине от Балтийского и Белого моря до Чёрного и Каспийского, о проникновении за Камень (Урал) и Каспий, о присоединении к России Малороссии, Белороссии, а в XVIII веке – Новороссии. Середина XVII века – (вос)становление самодержавия приходится на переход от великорусского (московского) периода аграрно-исторического развития русского народа к всероссийскому (имперски-дворянскому; «мир-системному»). Народ и хозяйство совершили этот переход, а московское самодержавие – нет, не смогло, потому что было «заточено» под предыдущий период, решало и решило в тяжелейших условиях его задачи. А затем – пятьдесят лет пробуксовки.

Т.е. «пространственно», количественно русское пространство и русский продукт увеличились (без качественного увеличения последнего), а власть и её формы остались прежними, что, помимо логики развития крепостничества, ещё более обостряло необходимость передела «вещественной субстанции» (при том, что она вовсе не была истощена, исчерпана) в пользу верхов, способных по-новому организовать, темпорализовать расширившееся пространство.

А это, в свою очередь, требовало чрезвычайного, опричного создания для этого новых органов и слоёв. Иными словами, упрощая, можно сказать, что **питерская опричнина была ответом на вызов пространства, а грозненские – на вызов времени**, и это многое, хотя и не всё, объясняет в них.

С учётом опыта питерского типа опричнины становится ясно, что не стоит испытывать иллюзий по поводу опричнины вообще: смотря какая опричнина – грозненская или питерская. Впрочем, не стоит питать иллюзий и по поводу грозненских опричнин. Начать с того, что в рядах опричнины немало тех, кому любо насилье, кто использует её в своих целях, а то и просто «биологических подонков человечества», и чем менее здорово общество, тем в большей степени. У опричнины, по крайней мере, у её части, пусть небольшой, всегда есть соблазн и риск превратиться в «эскадроны смерти» – и вот эту часть надо отстреливать, как бешеных собак.

Будучи крайним средством, опричнина использует крайние меры и крайних людей, и чем тяжелее общественная ситуация, которую должна скорректировать опричнина, тем острее край. С учётом этого, забегая вперёд, можно предположить, что неоопричнина XXI века, если она возникнет, будет самым горьким лекарством, расплатой за беспредел постсо-

ветского периода, и ударит она, как это всегда бывает в истории, не только по виноватым. Заменяя в фразе Мартина Лютера слово «истина» на слово «опричина», можно сказать: «дух «опричины» болезнетворен. Ибо «опричина» не лестна. И он повергает в болезнь не просто того или иного человека, но весь мир. И уж такова наша мудрость, чтобы всё озлить, онедужить, осложнить, а не оберечь, опосредовать и оправдать». Опричина – болезненное, смертельное средство лечения смертельной болезни. Но **спрашивать нужно не с опричников, они сами – боль, а с тех, кто запустил болезнь или даже культивировал её.**

И ещё одно: опричина никогда не достигает своих целей до конца. Один из парадоксов опричины заключается в том, что без неё невозможен рывок из тупика посредством выхода в новое социальное измерение. Однако «чрезвычайка» не может быть вечной, а цена и побочные результаты часто таковы, что нужно их убирать, ликвидировать (часто вместе с опричниками). А в этом «оттепельном» процессе, как правило, вылезает то, с чем боролась опричина, вылезает и начинает жить своей жизнью, жизнью, полной ненависти к данному строю и породившей его опричине. Ненавистью и жаждой реванша. С учётом этого по поводу опричной деятельности можно сказать словами Галича: «Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл / Начал делать, так уж делай, чтоб не встал».

Завтра была опричина?

Русская история демонстрирует с хрустальной ясностью: субъектом исторически судьбоносных рывков в развитии страны являются не массы, не институты и не отдельные личности, а чрезвычайные комиссии, «чрезвычайки», первой среди которых была опричина Ивана Грозного. Именно чрезвычайный субъект, «профессиональные чрезвычайщики» «заводят» массы, организуют и направляют их. Ленин чётко зафиксировал это в своём «учении» о «партии нового типа». Но что такое «партия нового типа»? Этот же «чрезвычайка» с антисистемной направленностью – не более, но и не менее. Ленин на антисистемный лад рационализировал то, что уже дважды осуществлялось в России самой властью и на что современная Ленину власть-импотент уже не была способна.

Именно опричина делает в русской истории грязную работу, вычищая грязь и гниль, сгоняя русских Емель с печи и, подобно швейковскому капралу, напоминая им: «Помните, скоты, что вы люди».

Сегодня РФ находится в провале и в тупике (провальном тупике). Видны ли какие-нибудь силы, способные вывести её из этого тупика? Нет. Институты? Нет. Ситуация похожа на таковые 1560-х и 1920-х годов. Откуда пришло решение в те дальние годы? Из раскола верхушки – часть её во главе с первым лицом (царём, генсеком) использовала внеинституциональные средства, жёстко поставив другую часть под контроль и на службу национальному/имперскому (национально-имперскому) целому, выступив по отношению к этому целому в качестве особой, чрезвычайной организации, почти ордена («корпорации»).

А что вызвало раскол? То, что было проедено наследие, вещественная субстанция предшествующей эпохи, предшествующей системы и встал вопрос о переделе общественного «пирога». И опять мы оказываемся в ситуации, аналогичной, если не тождественной 1560-м и 1920-м годам: в середине ближайшего десятилетия, эдак в канун столетия Октябрьской революции будет почти полностью проедено советское наследие: промышленность, сельское хозяйство, ЖКХ, коммуникации. Всё придёт в негодность, поскольку последние десятилетия ничего нового не создавалось, проедалось старое – и оно же проедалось хаялось (как не вспомнить поговорку: едят и гадят в одном и том же месте только свиньи). Как только это произойдёт, встанет вопрос: кто будет основным источником «накопления» для движения в будущее – население или коррумпированные чиновники и «бизнесмены»? Власти придётся выбирать, и любой выбор – тяжёлый и опасный.

С населения и так уже почти нечего взять, к тому же, доведённое до отчаяния, оно может взбунтоваться – терять нечего, а тупо-зомбирующие телепередачи, достигнув

точки асимптотического насыщения, станут работать контрпродуктивно. Коррупцированные чиновники и «бизнес» – часть самой власти, связанная с криминалом и иностранным капиталом – тоже опасно. Тем более что общество носит криминальный характер (во многих его сегментах криминализация становится формой социальной организации), психически нездорово, и любые резкие действия могут привести к непредсказуемым последствиям. А без резких действий – крышка.

Время паллиативов прошло; «приглашение» внешнего правления или торговля территориями маловероятны и, главное, не решат проблему. Правда, возможна попытка создания на территории РФ неких особых зон, отделённых от «остальной» территории и связанных с глобальным миром, его центрами в значительно большей степени, чем со своей страной. По сути, это анклав глобального мира. Кенити Омаэ называет их регион-экономикой, или регион-государствами. Регион-экономика – естественная деловая единица «глобальной информационной экономики», которая представляет собой территориально обособленный комплекс, решающий свои проблемы путём привлечения глобальных ресурсов и встраивания себя в глобальные товарные цепи.

Регион-экономика – это единица производства и потребления с численностью населения не менее 5 млн. человек (иначе не будет обеспечен привлекательный рынок для потребительских товаров) и не более 20 млн., чтобы обеспечить единство граждан как потребителей. Во всём мире, считает Омаэ, идёт рост таких единиц. Это Силиконовая долина в США, районы Сютोकен и Кансай в Японии, Баден-Вюртемберг в Германии, Лангедок – Руссийон – Каталония (Франция – Испания) и др.

Необходимо отметить, что все указанные регион-экономики возникают не посреди моря бедности и разрухи, а как органичный авангард промышленно развитых экономик. Возникновение таких регионов в бедных странах поставит задачу эффективной изоляции/сегрегации их от бедноты, вплоть до возведения стен а la средневековые города. Подобные «неосредневековые города» уже появились – например, Альфавиль в Бразилии. Огромный город-регион, отделённый мощными укреплениями от мира бедноты описан К. Бенедиктовым в романе «Битва за Асгард». В России «асгарды» не пройдут – по той же причине, по которой здесь не прошли феодализм и капитализм. Перефразируя фразу Тютчева о России, что она – Ахилл, у которого пятка везде, можно сказать, что русские «асгарды» будут сплошными пятками, хотя и просуществовать какое-то время «под знаменем» инноваций – пока не будут «распилены» инновационные средства – могут. Короче, куда ни кинь, всюду клин, а ситуация запущена и усиливается мировым кризисом.

Можно ли прекратить бесконечность тупика с помощью опричнины, применением «опричного принципа»? Русская история показывает, что можно. Но всё зависит от того, кто, как и в «блоке» с каким принципом станет его применять. Если опричный принцип соединится с олигархическим, мы получим второе издание питерской версии. Пользуясь терминологией XX века, это будет даже не правоавторитарный, а правототалитарный режим, а ещё точнее – тоталитарно-анархический, что-то вроде описанного О. Маркеевым в романе «Неучтённый фактор». Скажу прямо: у правой диктатуры в постсоветской России шансы невелики. Своих сил продержаться у неё мало, значит, понадобятся «чужие штыки» и внешнее управление. Оккупация России чужаками всегда кончалась плохо для чужаков и коллаборационистов.

Если же опричный принцип блокируется с самодержавно-национальным, то результатом будет левая диктатура, и этот вариант намного более вероятен, хотя бы потому, что в России власть всегда важнее собственности, и в этом плане, с точки зрения русской истории, как пореформенная Россия, так и постсоветская РФ суть социально-экономические извращения (не потому ли в обеих так много и половых извращенцев – *abyssus abyssum invocat*, «бездна бездну призывает»).

Вполне возможен раскол верхушки и столкновение двух типов опричнины – «грозненского» и «питерского», и это будет новация в развитии опричного принципа. За первым будет стоять схема нации-корпорации и империи, за вторым – «регион-государства» («рынка-государства»), условно говоря, «Пятый Рим» против «Асгарда». При этом при прочих равных большие шансы на победу имеет та опричнина, которая успешнее сыграет на мировой арене, использовав противоречия возможных недругов и создав сеть международных союзов. Год назад, выступая в Гаване на конгрессе по глобальным проблемам, я сказал, что нациям-корпорациям (или государствам, избравшим этот путь, автоматически предполагающий левую диктатуру) в борьбе с неоимпериализмом, транснациональными корпорациями и корпорациями-государствами необходим союз – нечто вроде V Интернационала. Помимо прочего, это заставит буржуинов распылять силы.

Впрочем, не исключена ещё одна новация-выверт русской истории: синтез «грозненской» и «питерской» версий опричнины, хотя здесь сразу же возникает много проблем. Но нам не привыкать: Россия страна и проблемная, и экспериментальная, здесь часто работает принцип «не жалко никого: ни тебя, ни себя, ни его» (слова из песни в фильме «Бумер»).

Победа «левой опричнины» – это только начало тяжёлого пути, который можно охарактеризовать фразой ненавистника России, Черчилля: кровь, пот и слёзы. Новая опричнина будет разворачиваться в обществе намного более разложившемся и криминализованном, чем сталинская. И это, несомненно, наложит свой отпечаток на неоопричнину – здесь не надо питать иллюзий.

Далее. Нынешняя Россия – это обнажившиеся пласты-дефекты сразу нескольких эпох русской истории, концы и начала в бардаке последних десятилетий спутались между собой – «всё смешалось в диком танце» (Н. Заболоцкий). РФ – футуроархаическое общество: рядом с виртуальным миром XXI века существуют материальные реалии XVIII–XIX веков, не говоря уже о сосуществовании различных типов русского человека различных эпох. Тут тебе и пугачёвский «тулупчик заячий», и мундир генерала Скобелева, и будёновки и кожанки чекистов и люберов, и малиновые пиджаки «новых русских». Как заметил уже цитировавшийся мной О. Маркеев, «бронепоезд очередной российской революции лбом таранит рубежи двадцать первого века, а хвостовые вагоны ещё болтаются на стыках века девятнадцатого». Социально-экономическая неоднородность страны, отражающая нерешённость проблем сразу нескольких стадияльно различных экономических укладов – т. е. нерешённость в прошлом, «приехавшая» в будущее – всё это тоже проблемы, которые надо будет решать, причём быстро и одновременно, преодолевая при этом сопротивление бенефициров предыдущей эпохи, криминала и пассивность населения. Ну и, естественно, сопротивления внешних сил.

На пороге нового мира: русская неоопричнина против мировой «чрезвычайки»?

У проблемы опричнины, русской «чрезвычайки» и связанных с ними потрясений есть международный аспект, что неудивительно: русская история – часть европейской, евразийской и мировой. Есть некая эмпирическая регулярность, как сказал бы Н.Д. Кондратьев, в соотношении наших опричнин и смутореволюций, с одной стороны, и мировых смут и войн, с другой. Исторически опричнины в России становились либо преддверием мировых смут, либо их элементом.

Так, наши опричнина и Смута начала XVII века были элементом Большой Смуты, кризиса «длинного XVI века» (1453–1648). И вот что интересно: наша восточноевропейская смута, закончившаяся в 1618–1619 годах (поход Владислава на Москву, Деулинский мир, возвращение Филарета из польского плена и фактическое занятие им царского трона) оказалась прологом западноевропейской Тридцатилетней войны (1618–1648). Именно эта война не позволила Западу взять ослабленную смутой Россию голыми руками.

Аналогичным образом обстояли дела после петровской «смуты сверху». Несмотря на победу в Северной войне, Россия, укатанная внешней войной и внутренней погромовой войной,

была слаба в 1720-1730-е годы. Однако войны, которые вели европейцы за разные «наследства», не позволили использовать эту слабость. Ну, а к середине 1750-х годов, к Семилетней войне, Россия пришла в себя и сломала хребет Фридриху II. В XX веке русская революция и новая русская опричнина стали преддверием и элементом новой Тридцатилетней войны (1914–1945) – теперь уже не европейской, а мировой.

Размышления о войнах – не самое приятное занятие, но абсолютно необходимое. И не только в общем плане (*si vis pacem para bellum* – «хочешь мира, готовься к войне»), но и вполне конкретном. Мы живём в предвоенную эпоху; мир вползает в кризис, которому нет аналогов. Предвоенность эта, однако, формальная. По сути, мы уже живём в военную эпоху: глобализация, «кладёзь бездны» для которой разверзлась с разрушением СССР, есть не что иное, как достижение военных целей мирными (финансово-экономическими, психоинформационными) средствами. Впрочем, всё это не исключает и обычных войн: наговская агрессия против Югославии, Ирака, Афганистана. И если поверить Киссинджеру, заявившему, что глобализация есть новое название американского империализма, то глобализация в сущностном плане есть империалистическая война нового типа. Или агрессивная война нового империализма.

Сегодня есть фактор, способный резко обострить ситуацию – американо-китайское соперничество. Китай, по мнению ряда экспертов, по ВВП, измеряемому по паритету покупательной способности (ППС), достиг 40 трлн. долларов. Это столько же, сколько у США, Евросоюза и Японии вместе взятых; ещё 40 трлн. приходится на «остальной» мир. Если учесть, что Китай начинает подтягивать свою военную массу к массе экономической, что позиции военных в руководстве КНР усиливаются, что всё это происходит на фоне мирового кризиса, ремиссия в развитии которого не должна вводить в заблуждение, то можно говорить об изменении мировой политико-экономической ситуации. Чтобы не допустить её развития в неблагоприятном для себя направлении, США как «тело», «клетка» закрытых наднациональных структур управления («мозг/дух», «ядро») должны подсесть Китай, как это было сделано в 1914–1918 годах с Германией или как в 1985–1991 годах – с СССР; попытка подсесть Россию в 1914 году провалилась – возник сталинский СССР; попытка в 1941–1945 годах, когда на СССР натравили Гитлера, тоже провалилась. В нынешней ситуации у США как ядра «совокупного Запада» теоретически не так много вариантов.

Вариант № 1. Попытаться решить китайскую проблему военным путём с помощью России: русский мужик в очередной раз становится пушечным мясом для англосаксов, русское пространство – главным театром военных действий, как восточный фронт в двух мировых войнах XX века. Под такую задачу Россию могут принять/втянуть в НАТО, присвоив таким образом наш ядерный потенциал и необходимое для войны пространство. Итогом такой войны может стать распад Китая, полный демонтаж России и, как это ни парадоксально, ликвидация мировой верхушкой американской империи – по методу ликвидации Британской империи американцами и «наднационалами» после победы над Гитлером.

Этот вариант маловероятен в силу, мягко говоря, слабой боеспособности российской армии. К тому же, вряд ли русские солдаты и офицеры захотят всерьёз воевать с китайцами.

Вариант № 2. США создают с КНР кондоминиум, делят Россию, как это предлагает известный ненавистник России Зб. Бжезинский. В этом случае США, находящиеся не в лучшем состоянии (сегодня, конечно же, Америка переживает не 1960-е, 1920-е или 1870-е годы – худшие десятилетия в своей истории, но движется в их направлении) получают передышку. Но и Китай получит, причём не только передышку, но и колоссальные ресурсы, что резко и, возможно, окончательно изменит мировую ситуацию в его пользу, и даже война не поможет. Расчёт может быть на то, что во время «передышки» Китай взорвётся изнутри или подавится куском России, но – «гладко было на бумаге». И где уверенность, что Россия позволит себя съесть. Конечно, есть такая поговорка: «Если ты выглядишь как еда, тебя обязательно съе-

дят», но попытка съесть Россию – ядерную (до сих пор) державу – чревата. Чужеземные оккупационные режимы здесь не держатся, и даже Золотая Орда (Алтын Ордон) эксплуатировала Русь на дистанции, взимая дань, как это сегодня делает Западная Орда (Баруун Ордон). Наконец, и это главное, на раздел России с США не пойдёт Китай, для которого США намного опаснее и которым он скорее постарается противопоставить китайско-русский союз, и это далеко не худший вариант для России.

Вариант № 3. Мне он не представляется невероятным, напротив. США будут систематически сбивать дыхание Китаю (и заодно России – чтобы не рыпалась; о том, что Россия не должна это делать, понимая, кто в доме хозяин, откровенно говорят сегодня и Киссинджер, и Олбрайт, и многие другие) где только можно – на всей мировой доске игры в «го» (вэйци). При этом есть регионы, наиболее приспособленные для того, чтобы созданное там напряжение давило на Китай, Россию, Иран (правда, в случае последнего более вероятен военный удар), а если надо – Индию – это район Афганистана – Пакистана, который в США всё чаще объединяют в некое целое под названием «Афпак».

Создание напряжённости, а если надо – военного конфликта большой длительности силами «афпаковцев» (главным образом мусульман-суннитов), с распространением конфликта в Центральную Азию и населённые мусульманами районы Китая, постоянной «воронки напряжённости», всасывающей соседние регионы, затрудняющей экономическое развитие – вариант вполне возможный. В этот регион как в воронку возможно втягивание других регионов.

При этом необходимо отметить, что новая мировая (а точнее, всемирная) война, организованная по методу управляемого хаоса, не обязательно будет такой, как вой ны 1914–1918 и 1939–1945 годов; скорее всего, она будет иной – локально-точечной, ведущейся сразу в нескольких зонах мира. Т. е. нечто похожее на Тридцатилетнюю войну XVII века – четыре последовавшие друг за другом локальных конфликта (фазы), растерзавшие Центральную Европу. Думаю, войны глобальной и послеглобальной эпох типологически скорее всего будут напоминать Тридцатилетнюю XVII века – вход в капиталистическую систему (тогда) и выход из неё (сегодня) с необходимостью должны быть зеркальными.

Возможны и другие варианты, но ясно одно: **мир вступает в чрезвычайно опасную эпоху – в эпоху чрезвычайности.** Нам предстоит увидеть возникновение немалого числа «чрезвычайек» на глобальном, государственном, региональном и локальном уровнях. XXI век, помимо прочего, станет веком схватки «чрезвычайек» новых и старых (впрочем, уже стал: война структур-невидимок уже идёт), и в этой ситуации опричина с её опытом и традициями может стать необходимым, хотя и недостаточным условием и средством, с помощью которого можно будет проскочить кризис и вынырнуть в посткризисное будущее. Более того, пожалуй, только неоопричина как орден-ядро формирующейся нации-корпорации способно и довести до конца процесс этого формирования, и стать оргоружием в борьбе.

По-видимому, Россия вступает в самое опасное, наиболее критическое десятилетие своей истории, ставкой которого является не просто существование РФ, а дальнейшее бытие России как особого культурно-исторического типа, русского народа. Национально ориентированная опричина – лишь необходимое, но недостаточное условие побед. Как говорил толкиновский Гэндальф, повторяя («цитируя») фразу из шекспировского «Макбета»: «If we fail we fall, if we succeed we will fact another task» – «Если мы провалимся, мы пропали; если мы добьемся успеха, то столкнёмся с новой задачей».

Одна из задач, которая объективно стоит перед страной – формирование принципиально нового **типа** интеллектуального руководства. Нового – значит, адекватного новому миру, эпохе Пересдачи Карт Истории. Нынешняя ситуация чем-то напоминает таковую начала XX века, кануна Мировой войны, которая выявила полную неадекватность подав-

ляющей части персонификаторов «открытой» политики новой эпохе. Сейчас эта неадекватность на порядок сильнее, а ситуация на порядок сложнее.

Разумеется, заявить задачу формирования нового типа руководства значительно легче, чем выполнить. Во-первых, с позднесоветских времён продолжается внутренний антиотбор. Во-вторых, с 1990-х годов он усилен целенаправленным действием Западной Орды, её «баскаков» и агентуры, с одной стороны, и процессом социального разложения, с другой. В-третьих, во всём мире идёт, как отметила в одном из своих выступлений М.А. Кочубей, процесс проседания интеллектуально-волевой «сетки» управленческих структур – это тенденция, которую Ш. Султанов в статье «Неизбежная война» («Завтра», 2010, № 4) обозначил как быструю деградацию традиционного рационального мышления, которая наиболее отчётливо проявляется в научной и политической сферах. Речь идёт о падении интеллектуального уровня и волевых качеств мировой верхушки, по крайней мере, её «явного контура».

Сегодня трудно сказать, какой уровень – интеллектуальный или политический, какая сфера – научная или управленческая демонстрируют более высокие степень и скорость деградации, кто хуже? Как сказал бы Сталин, обе хуже. Но я прежде всего хочу сказать об интеллектуальной сфере, о задаче интеллектуалов – о создании интеллектуального оружия, т. е. нового знания о мире и человеке.

Новое знание для Пятого Рима

В связи с этим напомним тезис Карла Полаanyi о зловещем интеллектуальном превосходстве вождей Третьего рейха над их противниками в качестве одной из главных причин побед. Но аналогичным образом можно сказать и о превосходстве советского руководства 1930-1940-х годов над их «оппонентами» из открытого мирового контура власти. Чтобы побеждать на мировой арене, необходимо «зловещее интеллектуальное превосходство над противником» – новое знание. Практически всем серьёзным попыткам борьбы на мировом уровне за власть и ресурсы, всем крупным революциям или приходу к власти новых политических сил и движений предшествовало создание этими силами или их предшественниками принципиально нового знания. Так было в случае с Французской революцией 1789–1799 годов, которой предшествовало создание нового знания, нового интеллектуального оружия (Просвещение, «Энциклопедия»), нацеленного прежде всего на верхушку тогдашнего французского общества (задача – перезагрузка интеллектуально-мировоззренческой матрицы, серия психоударов), с коммунистическими революциями, которым предшествовала интеллектуально-теоретическая деятельность марксистов, с победой национал-социалистов в Германии и борьбой Третьего рейха за мировую гегемонию (создание нового знания о человеке и природе в 1920-е и особенно в 1930-е годы). Новое знание создаёт нового субъекта. Это вдвойне так в информационную эпоху, когда новый субъект не может не появиться в виде информационного «сгустка» властезнания, формирующего «под себя» энергию и материю (привет Платону).

Необходимо отметить, что исходно новое знание создаётся не огромными организациями-монстрами, тем более что сегодня их время ушло, научные организмы вымирают, корчась в конвульсиях бессодержательной и бесплодной активности и решая проблемы позавчерашнего дня в режиме группового околонучного онанизма. Новое знание создаётся небольшими мотивированными группами людей с чёткой целевой и ценностной установкой, креативным спецназом – это, опять же, подтверждается опытом интеллектуальной арт-подготовки практически всех рукотворных исторических сдвигов, тем более – кризисов и революций.

Борьба за сохранение России в XXI веке (и далее) потребует создания нового корпуса знаний о современном мире. И если национально (цивилизационно) ориентированной неоопричнине суждено состояться, то этот корпус должен стать её научно-интеллектуальным компонентом; более того, он должен обеспечить ей готовое и способное к саморазви-

тию знание, предваряя её. Данное знание должно быть знанием не только и даже не столько о России, сколько о мире и о России как его элементе – многие наши поражения обусловлены заикленностью на себе, на своих особенностях, иными словами, на определённого рода интеллектуальной самопупковости и на незнании мировой ситуации; победы большевиков, а затем сталинцев были в огромной степени обусловлены тем, что они были игроками мирового уровня, их «повестка дня» была мировой.

Корпус знаний, о котором идёт речь, необходим во всех ситуациях – и в ситуации победы, и в ситуации глобальной катастрофы и, если не дай Бог, неоопричина не спасёт и в этой катастрофе, Россия рухнет. В последнем случае значение и роль нового знания вообще возрастают на порядки – оно станет необходимым для сохранения русскости, для создания сетевого русского мира в посткатастрофическом мире, наконец, для строительства нового русского властесоциума – Четвёртого Рима. Кто сказал, что Четвёртому Риму не бывать? Надо будет – создадим. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Пятый Рим, Новая Русь, Новая Гиперборея – важно не название, а суть. Суть проста: Россия возможна только как структура имперского («неоимперского» – применительно к новым обстоятельствам) типа. Более того, русские возможны только в структуре такого типа. В отличие от Запада, где империи суть политические формы, в России то, что называют «империей», выполняло социальную функцию, было социальной тканью, разрыв которой приводил к значительно более тяжёлым последствиям, чем крушение империй на Западе.

Да, русские несли на себе бремя империи, тянули имперскую лямку как в Российской империи, так и в «империи» советской; в последнем случае русские (великороссы), белорусы (белороссы) и украинцы (малороссы), т. е. россы-русские перекачивали создаваемый ими продукт на окраины, кормя Прибалтику, Кавказ, Среднюю Азию (это чётко зафиксировано статистикой) и не получая за это никакой благодарности – помощь принималась как «должное» от старшего брата.

Но значит ли это, что русские – неимперский народ, что империя им противопоказана, что нужно забраться в узконациональную скорлупу (или несколько скорлуп), скукожив до них русское пространство, освоенное предками и представляющее их и наше наследие, часть русскости? Именно к этому призывают те, кто противопоставляет русских и империю, т. е. наднациональное образование, образующей осью которого являются русские. По сути, в этих призывах мы имеем дело с проектом, закамуфлированным под национализм и навязываемым русским (в России никогда не было национализма в западном смысле слова, как не было и империи в западном смысле). Мы имеем дело с антирусской и антироссийской одновременно (два шара в лузу) страгемой. Я согласен с теми, кто как, например, В.И. Карпец видит в этом исключительную опасность для России и русских.

Нация и империя не несовместимы – так же, как совместимыми оказались свобода и империя (у Пушкина), нация и большевизм (у Сталина). Не надо морочить себе голову и тем более позволять это делать по отношению к себе другим. Другое дело, что в рамках наднационального целого русские должны быть не абсолютными донорами, а, создавая основную часть продукта, занимать место и играть роль в «империи», во всех её структурах пропорционально своей доле в населении – этого не было ни в Петербургской империи, ни в СССР. Правда, в обеих структурах русские составляли около 50 % населения, но на сегодняшний день – 80 %. Это означает, что Пятый Рим, если ему суждено осуществиться, будет принципиально иным, чем Третий и Четвертый.

Строительство Пятого Рима должно начинаться с создания нового знания – вначале было Слово. Это знание должно опираться на наследие предков всех эпох нашей истории – и на переосмысление этого опыта, включая опричнину. Сюда входит, прежде всего, инвентаризация катастроф и поражений – за одного битого двух небитых дают, чёткое определение

вечных и временных врагов России и русских – **с пониманием, что самый опасный враг всегда внутри**. Ну и, разумеется, осмысление победительного опыта – своего и чужого.

И не надо морочить себе голову ложным реставрационизмом по поводу, например, Третьего Рима. Третий Рим разрушен. И парадоксальным образом его начал рушить уже второй Романов церковной реформой, позднее свой вклад внесли и другие цари. Большевики пытались на месте Третьего Рима возвести Третий интернационал, однако Сталин «перезагрузил матрицу» и попытался отстроить новый Третий Рим как социализм «в одной, отдельно взятой стране» – и отстроил, но всего на несколько десятков лет.

Одновременно с демонтажом-ремонтажом Третьего Рима шли аналогичные «эксперименты» с русским народом. Так, первый демонтаж русского народа ударом по истинно русской вере и русскому социокультурному коду произвели Алексей с Никоном и Пётр I, однако они лишь расшатали народ, но не сломали его. Тем более что в петербургском самодержавии большую часть народа власть оставила «в покое», оставив его в социокультурной резервации традиционного мира.

Пореформенная Россия стала зоной быстрого разложения народа, значительная часть страны превратилась в «Растеряеву улицу», «трактирная цивилизация» стала теснить русскую. Кончилось всё это революцией и широкомасштабным демонтажом русского народа в 1920-е – первой половине 1930-х годов. Затем торжество национал-большевистского курса над интернационал-социализмом и победа в Великой Отечественной войне не просто остановили этот процесс, но способствовали монтажу новой общности – советского народа на русской основе. Процесс этот так и не был завершён, ну а с конца 1980-х годов начинается (по нарастающей) активный демонтаж советского народа и, естественно, его русской основы – десоветизация стала мощнейшим и продуманным ударом по основам русского культурно-исторического типа. **Третий Рим как способ бытия русских исчерпан**.

Я уже не говорю о дефектах в конструкции. Это алексеевско-никоновская реформадиверсия, петровский погром, рабство крестьян эпохи Екатерины II, идейный бред прозападной интеллигенции, художества интернационал-социалистов в 1920-е годы, тупость и предательство совноменклатуры 1970-1980-х годов.

Реликты всех этих дефектов послереволюционной эпохи русской истории так до конца и не вычищены, не стёрты из русской истории – как не были стёрты к середине XVI века многие дефекты-реликты киевской, владимирской и ордынско-удельной эпох, которые пришлось «кусать» и «выметать» опричнине. С конца 1920-х годов сталинский режим с опорой на опричный принцип решал проблемы, которые накопились за несколько столетий русской истории (и которые не смогли, не сумели решить ни Николай I, ни Александр III; последние при всех их качествах были неадекватны задаче решения этих проблем) и которые были созданы революцией и первым послереволюционным десятилетием. Жестокость решения была обусловлена хронической запущенностью проблем, с одной стороны, и имманентной жестокостью, характерной для времени революций и гражданских войн. За 1930-1960-е годы был решён целый ряд проблем, однако далеко не все, к тому же появились новые. Под совокупным грузом этих проблем и при активных действиях блока «часть советской верхушки – часть мирового капиталистического класса – криминалитет» прогнулся и был демонтирован советский коммунизм, разрушен СССР. За последние двадцать лет в геометрической прогрессии вырос ещё больший ком проблем – терапевтически его не устранить.

К тому же на сегодняшний день далеко не все проблемы даже осознаны. «Неосознанность происходящего», о которой любят рассуждать деятели Римского клуба, – одна из серьёзнейших проблем современного мира, существующая как сама по себе, так и в качестве элемента сознательно реализуемой стратегии «управляемого хаоса». Вывод: сначала знать, потом делать. Сначала – новое знание, новая картина мира, отражающие русский интерес, потом – действие. Думать обо всём этом нужно сейчас – только так можно сохраняться и

побеждать в меняющемся мире. Победам физическим всегда предшествуют победы метафизические; чтобы выиграть историческое противостояние, сначала надо «сделать» противника в метаистории, в сфере тонких интеллектуальных и психоинформационных (психоисторических) струн.

Ориентированная на решение общенациональных проблем, а не на обогащение узкой группы узаконенного воря, опричина нового типа – это «материя», которая порождается, помимо прочего, «духом» нового знания и даже нового чувствования, нового слышания Музыки Истории. Как будет называться новое знание? Не знаю. Может быть, по крайней мере, для начала, «консервативно-динамическим». Может – иначе. Но я знаю точно, что оно должно быть бескомпромиссным по отношению к нам самим, не позволяющим пускать слюни и сюсюкать по поводу особой «русской духовности» и «загадок русской души», а чётко фиксировать все слабые и неприятные стороны нашей истории и нашего характера, ставить диагноз, не забывая о сильных сторонах и формируя **чувство победительности** вопреки всему.

Это знание должно быть ключом к секретам явных и тайных врагов России и русских в мире в целом и отдельно взятых странах – в Высоком Буржуинстве, Равнинном Королевстве, Снежном Царстве и Знойном Государстве, вскрывая их сильные и находя их слабые стороны. Оно должно быть убойным и работать в мировой борьбе по пехотному принципу «штык в горло с двумя проворотами». Или по снайперскому – «один выстрел – один труп». А ещё лучше – два, не оставляя противнику шансов – ни одного. И тогда мы увидим Пятый Рим с сияющей над ним руной Победы.

Институт динамического консерватизма
12.03.2010

Русский успех в ретроспективе и перспективе: «добрым молодцам урок»

I

Тема этой статьи – успехи России и успехи русских (это далеко не всегда совпадает) в исторической ретроспективе и уроки этой ретроспективы. Вопрос, над которым я хочу поразмышлять – какие периоды русской истории были наиболее успешными для страны и народа, как соотносились друг с другом фазы внутреннего и внешнего успеха.

В русской истории можно выделить три крупные структуры: Московское самодержавие, Петербургское самодержавие и коммунистический строй («исторический коммунизм» – т. е. то, что реально было в истории, а не на страницах учебников научного коммунизма и пропагандистских изданий, где коммунизм рассматривался как высшая стадия социализма). Я в основном буду говорить о второй и третьей структурах, поскольку первая структура – Московское царство – совпала с генезисом «русского хаосмоса», а потому её фазы смазаны, тогда как в Петербургском самодержавии и комстрое фазы просматриваются чётко, и между фазами обеих структур очевиден параллелизм.

Первую фазу обеих структур я называю «демонархией»¹. Это можно расшифровать и как «демоническую власть», и как «монархию демоса» (народа), и как «якобы монархию», а на самом деле – нечто, намного более крутое. В Петербургском самодержавии это режим Петра I, «реликтовое излучение» которого можно уловить вплоть до 1750-х – 60-х годов; в комстрое это, конечно же, сталинский режим, ну а в московском царстве это режим Ивана Грозного, начиная с опричнины. Последняя стала эмбрионом и одновременно средством возникновения и Московского самодержавия, и самодержавия вообще, и русской власти как уникального – автосубъектного и надзаконного – феномена. По сути, это было началом смуты по отношению к княжебоярскому режиму и одновременно демонархией, вызвавшей ответную реакцию – сначала боярскую, а затем общесоциальную смуту 1584/1598 – 1613/1619 гг. (её латентную фазу – 1584/1598 гг. можно в известном смысле считать «оттепелью»).

Демонархия реализуется как подавление опирающимся на значительную часть населения (народа) центроверхом (последний персонифицирован единодержавным правителем, как бы он ни назывался, и «спаянным» с ним чрезвычайным органом – опричина, гвардия Петра I, ЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД) верхов и «остальной» части народа. По сути, это «холодная» гражданская война, фаза кристаллизации, торможения. Поскольку одна из главных задач демонархии – подавление основной массы населения, которая, естественно, представлена русскими, то, как правило, демонархические (или – шире – послесмутные) фазы характеризуются русофобией, а в «чрезвычайках» в связи с этим всегда обнаруживается большое количество нерусских элементов, главным образом, в руководстве – немцы, латыши, евреи. Но есть и обратная связь – русофобия как следствие значительной численности нерусских в органах репрессий и культуры. Классический случай – большевистский режим в 1917–1934/37 гг. Национальное по форме облакает социально-властное содержание и его специфические задачи на фазе демонархии.

¹ Подробнее см.: *Фурсов А.И.* Русская власть, Россия и Евразия: Великая монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории. М., 2001. Т. IV, № 1–4, с. 45–52.

«Оттепель» – вторая фаза структур русской истории. «Оттепели» – это выпуск пара после демонархического перенапряжения, это ослабление хватки центроверха на горле господствующих групп. (Начинаются «оттепели» с того, что эти группы обеспечивают себе гарантии физической безопасности). В петербургском самодержавии это период между (условно) 1762 г. и 1815 г., а в комстрое, который «проигрывал» все фазы в ускоренном темпе, это 1953–1962/68 гг. Главный «оттепельный» конфликт – борьба господствующих групп с центроверхом за экономические и социальные гарантии своего привилегированного существования.

Третья фаза – «застой». Это период стабилизации общества, укрепления и консолидации его господствующих групп, накопление «социального жира» (прежде всего в виде среднего класса или эквивалентно сравнимых групп). «Застой» – это торжество горизонтальной мобильности над вертикальной на верхних ступенях социальной пирамиды и значительная расслабленность на средних и нижних. Главный принцип фаз «застоя» сформулирован одним из героев гайдаевской комедии «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» пьяницей Федей. Обращаясь к пытающемуся перевоспитать его студенту Шурику, Федя говорит, что теперь другие времена: «К людям надо относиться мягше, а на вопросы смотреть ширше». Фазы «застоя» в русской истории – соответственно, 1815–1855 и 1962/68-1985/87 гг.

«Застой» быстро минует свою «зрелую» подфазу и переходит в подфазу упадка и разложения, вслед за чем наступает смута. Центроверх раздваивается; иногда властей больше чем две, но главных властей две: Василий Шуйский против Тушинского лагеря, и Второе земское ополчение против казаков; Петросовет против Временного правительства, и «красные» против «белых»; РСФСР (Ельцин) против Центра (Горбачёв), и президент (Ельцин) против Верховного Совета.

Смуты – наиболее опасные фазы во всех структурах русской истории и в русской истории в целом: сопровождаясь гражданской войной, интервенцией (прямой – военной, как это было в начале XVII и в начале XX в., и косвенной – экономической и информационной культурно-психологической, или психоисторической, как это происходит со второй половины 1980-х годов), они ставят государство на грань уничтожения и (или) действительно уничтожают его, и после смуты на его месте возникает новая структура.

II

Таким образом, мы имеем следующую циклику структур русской истории: демонархия – оттепель – застой – смута. После смут, казалось, Россию легко добить извне. Но легко добить и вообще добить исторически не получилось. Почему? Что спасало Россию от последствий смуты?

Прежде всего – самоотверженность и особый – упёртого московского типа – героизм народа. Однако весьма важную роль играли и внешние условия – так складывалось, что добить Московское царство после смут оказывалось некому. После окончания Смутного времени в 1618–1619 гг. Московию можно было брать «тёпленькой». Однако Европа была занята Тридцатилетней войной (1618–1648), а когда война закончилась, Московское царство уже прочно стояло на ногах и само развернуло борьбу за Малороссию с традиционным врагом – Польшей.

Аналогичным образом обстоит дело в 1920-е – 30-е годы. СССР смог не только встать на ноги, но и подготовиться к войне, потому что в мировой капиталистической системе шла борьба немцев и англосаксов, Германии и США за корону нового гегемона капсистемы, а внутри англосаксонского мира США вели борьбу за подрыв Британской империи. И пока хищники, представляющие два западных начала, грызлись между собой, СССР ковал щит и меч.

Наибольшую силу в мировой системе Россия набирала после мировых войн, т. е. войн за гегемонию в мировой капсистеме. В мировой системе фазы наибольшего успеха России – это послевоенные периоды, периоды после окончания мировых войн, в которых Россия играла решающую роль. Хотя Россия и СССР никогда не претендовали на место гегемона внутри капсистемы (этот приз оспаривали континентальные державы Франция и Германия у морских англосаксонских – Великобритании и США) и в войнах выступали на стороне «моряков-англосаксов» против континенталов², главным театром мировых войн становилась русская территория – как будто буржуинам не хватало собственного пространства для выяснения своих буржуинских отношений, и они выносили последнее во внешний для капсистемы мир – евразийский. Более того, именно Россия своей людской массой и своим пространством решала исход мировых войн и, выходя из них, становилась одной из двух сверхдержав: в 1815–1855 гг. вместе с Великобританией, в 1945–1991 гг. (пик 1962–1987 гг.) вместе с США.

Как мы видим, фазы наибольших внешних успехов России коррелируют главным образом с внутренними фазами «застоя». Россия Николая I и СССР Брежнева – вот эпохи наибольшего могущества России/СССР в мировой системе. И в то же время это – эпохи наибольшего внутреннего спокойствия, улучшения благосостояния значительной части общества: «живи да работай – хорошая жизнь», как говорилось в «Сказке о военной тайне, о Мальчише-кибальчише и его твёрдом слове», а «запахи дыма с пожаров» или «пороха с разрывов» были далеко – в том «прекрасном далёко», которое, несмотря на просьбы, чаще всего оказывалось жестоким – и само по себе, и по сравнению с «застойными» временами».

² Подробнее см.: *Фурсов А.И.* Колокола Истории. М., 1996, с. 358–402; *Фурсов А.И.* Европейская система государств, англосаксы и Россия // *Дехийо Л.* Хрупкий баланс. Четыре столетия борьбы за господство в Европе. М., 2005, с. 27–48; *Фурсов А.И.* Мировые геополитические шахматы: чемпионы и претенденты // *Дехийо Л.* Хрупкий баланс. Четыре столетия борьбы за господство в Европе. М., 2005, с. 244–313; *Фурсов А.И.* Третий Рим против Третьего Рейха: третья схватка (советско-германский покер в американском преферансе) // «Политический класс», 2006, №№ 6–7.

III

Но были ли успехи России автоматически успехами русских?

По части усилий и решающего вклада в победу – всегда. А вот по части вознаграждения – нет.

Власть содержала империю, а затем СССР за счёт русского (т. е. русские + белорусы + малороссы) этнического ресурса. Правы те, кто называет Россию и СССР «империями наоборот», где державообразующий народ не эксплуатировал окраины и их народы, а наоборот – вкладывал в них средства, отрывая от себя, в ущерб себе.

Русские, как правило, были народом-победителем, который не получал ничего, будь то мировые англо-французские (Семилетняя и революционно-наполеоновские) войны или англосаксонско-германские (1914–1918 гг. и 1939–1945 гг.). Русские выигрывали войны, вытаскивали Российскую империю, а затем СССР (протоглобальный комплекс), но, по сути, ничего не получали. Со «стеклянной ясностью» (В. Набоков) это проявилось в советский период русской истории, когда расходы трёх славянских республик, особенно РСФСР и Белоруссии, были существенно меньше их доходов, тогда как расходы всех остальных республик намного превышали их доход – разрыв создавался путём перекачки средств (и кадров) из русского центра на нерусские окраины.

Ослабление власти в центре приводило к тому, что русские, в конечном счёте, опрокидывали существующую структуру власти, начинался распад державы, на её месте возникала новая, причём ранней, первоначальной её формой становился антирусский, русофобский режим, который через 15–20 лет функционирования устранялся мирным или насильственным способом.

IV

Какова с исторической точки зрения нынешняя ситуация?

В 1991 г. русские (с помощью Запада и окраин) обрушили СССР, началась смута, и вроде бы сегодня мы находимся на выходе из неё, в её финальной стадии, которую, комбинируя В.О. Ключевского с С.Ф. Платоновым, можно назвать национально-религиозной. То есть речь идёт о выходе из смуты на пути национальной консолидации, как это произошло в первой половине XVII в. и в первой половине XX в. Началом выхода СССР из смуты стали отстрел «ленинской гвардии», «интернационалистов», а концом – Великая Отечественная война, положившая конец «холодной» гражданской, война, заставившая коммунистическую власть развернуться в сторону русских традиций и русского народа, обеспечившего комстрою победу в ней.

Как мы помним, выход из смуты осуществлялся на пути демонархии, в значительной степени русофобской, будь то преследование раскольников и привилегии немцам или подавление русских вообще. В 1990-е годы ельцинский режим был, конечно же, русофобским, но он не был демонархией – то была часть смуты, обусловленная тесным союзом правящей верхушки с иностранным капиталом. Обязательно ли новая демонархия («неоопричина»), если она состоится, должна быть антирусской? Думаю, нет. Во-первых, значительная часть антирусского запала вышла в ходе самой смуты. Во-вторых, впервые с середины XVI в. русские в Московии – России – СССР – РФ составляют не половину населения страны, а подавляющую массу – 80 %. Это столько, сколько евреев в Израиле и ханьцев в Китае. Цифра 80 % по ооновским стандартам позволяет говорить о мононациональном государстве – и действительно, вряд ли кто-то назовёт Китай и Израиль многонациональными государствами (много наций в стране ещё не делает государство многонациональным).

Сегодня в РФ впервые за последние 150–200 лет начинает действительно развиваться нечто, похожее на русскую нацию. Ни в России, ни в СССР процесс превращения русского народа в нацию не получил своего завершения. Теперь, несмотря на целый ряд серьёзных трудностей на этом пути, есть хорошие шансы на завершение процесса формирования нации посредством национального возрождения. Процесс этот страшит русофобов всех мастей, отказывающих русским в праве на нацию, национализм и даже историю: русскую нацию стремятся подменить «российской», т. е. этническое заместить территориальным, содержание – пространственной функцией; русский национализм приравнивается к фашизму и ксенофобии, тогда как другие «национализмы», особенно антирусской направленности, приветствуются. Наконец, русской истории, истории русского мира вообще отказывают в праве на существование, подменяя её российской и растворяя в ней – таким образом, история растворяется в географии. Реакция русофобов понятна: если русским суждено выйти из смуты, а России – возродиться, то только на пути национальной консолидации державообразующего народа, чего, конечно же, стремятся всеми силами не допустить наши конкуренты за рубежом и их лакеи-смердяковы внутри страны.

Некоторые тенденции развития нынешней мировой ситуации способствуют новому русскому успеху – на этот раз успеху одновременно русских и России. Сегодня одно невозможно без другого: господствующие группы РФ смогут реально укрепить своё положение в мире только при опоре на державообразующий народ и его ресурсы, направленные, прежде всего, на развитие этого народа (равно как и других коренных народов России, сплывающих вокруг стержневого народа и организуемых им).

Тот мир, который возник в декабре 1989 г. и который журналисты окрестили «мальтийским», расплзается на наших глазах. Гегемония США, как показали поражение американцев в Ираке и их неспособность предпринять что-либо серьёзное по отношению к

Ирану и КНДР, вовсе не так сильна. Подъём Китая, европейско-американские противоречия, «левый» поворот в Латинской Америке – всё это факторы, на которых можно и нужно играть. Но для того, чтобы играть успешно, нам необходимы воля (субъектность), единство и разум, т. е. знание, адекватное миру.

В своей замечательной книге «Великая трансформация» (1944 г.) Карл Полаanyi характеризует лидеров Третьего Рейха как обладателей «зловещего интеллектуального превосходства» над лидерами западных демократий, и говорит о том, что они успешно применили его для разрушения «версальского мира», т. е. систему, сконструированную с целью воспроизводства исторического проигрыша Германии. Но то же можно сказать и о большевистском руководстве 1920-30-х годов³, которое тоже обладало зловещим интеллектуальным превосходством над своими западными оппонентами и тоже поставило это превосходство на службу разрушения существовавшего порядка. И это естественно: в мироустройстве 1920-30-х гг. как СССР, так и Германии была уготована роль игроков если не второсортных, то второго плана, одним словом – «лузеров». Качественно улучшить своё положение в рамках существовавшей системы было невозможно. Ergo: нужно было ломать систему.

Нынешняя мировая ситуация во многом напоминает 1920-е – 30-е годы: РФ не удастся качественно улучшить своё положение в существующей системе, для РФ и её господствующих групп в этой системе нет долгосрочно-безопасных ниш. И потому расшатывание-разбалтывание этой системы можно только приветствовать – оно расширяет поле для нашего маневра, но игра на этом поле предполагает наличие интеллектуально-стратегического превосходства.

Разумеется, превосходство – условие не достаточное, таковым является политическая воля, которая будет ломать хребет нашим оппонентам на мировой арене или, как минимум, продемонстрирует готовность это сделать. Однако интеллектуальное превосходство – совершенно необходимое условие, чтобы не только выигрывать на мировой арене, но просто попасть на неё в качестве игрока: чтобы ломать хребет, надо знать, где находятся наиболее уязвимые точки и соединения. Как бы ни относиться к большевикам, но они хорошо знали болевые точки той системы, против которой работали, их власть была одновременно и тем, что Фуко называл «властью – знанием».

Нам необходимо принципиально новое знание о мире, с иной дисциплинарной сеткой, чем нынешняя, отражающая реалии уходящей эпохи, знания прежде всего о главных тенденциях и трендах его развития, о его болевых точках: ни социология, ни политология об этом не расскажут. Пока что мы, отбросив зашедший в тупик советский догматический марксизм, в основном довольствуемся интеллектуально-теоретическими объедками с западного стола – убогими экономикс, социологией и политологией, которые, во-первых, отражают иную социальную реальность, а, во-вторых, реальность 25-30-летней давности. У нас сформировался целый кластер концептуальных падальщиков-компрадоров, воспроизводящих в научной сфере то, что в сфере социально-экономической вытворяет криминально-компрадорская «буржуазия». И, естественно, помимо нового знания о мире, знания, практическая цель которого – победа, наша победа в Большой Мировой Игре, нам нужно абсолютно точное, честное и беспощадное знание о самих себе. Знания, в котором не будет, с одной стороны, самобичевания и самоунижения конца 1980-1990-х, с другой, – сюсюканья и соплей об уникальной и загадочной русской душе – это только демобилизует, нам же нужно мобилизующее знание, знание-штык. Его создание – залог русского успеха в XXI веке.

А.И.Ф.
27.12.2006

³ Только в начале 1930-х на Западе появился руководитель, адекватный своему времени, один из величайших политиков XX в., человек, который спровоцировал и выиграл последнюю мировую войну, – Франклин Рузвельт.

СССР: что такое советский проект?⁴

Андрей Ильич Фурсов, историк, аналитик, публицист, рассказывает об СССР: его построении, развитии различных взглядах на этот исторический период. Задаёт вопросы Андрей Фефелов, заместитель главного редактора газеты «ЗАВТРА».

Андрей Фефелов (А. Фефелов): – Мы будем говорить об СССР. «Слова у нас до важного самого в привычку входят, ветшают», – как говорил Маяковский. Советский Союз – вокруг него существует как бы облако информации, знаний, впечатлений, образов. Это колоссальная эпоха в жизни России, мира. Но, тем не менее, все-таки СССР – это большая тайна. Что же такое был СССР? На чем он был построен и как он развивался внутри?

Андрей Ильич Фурсов (А.И. Фурсов): – Когда-то Андропов сказал фразу, которую часто цитируют, но цитируют её не всегда точно, а сказал он буквально следующее: «Мы не знаем общества, в котором живём и трудимся».

С тех пор прошло уже три десятилетия, но ситуация почти не изменилась. Всё, что имеем: за последние 20 лет появилось несколько работ, которые неплохо раскрывают частные аспекты развития СССР.

Появилось несколько десятков серьёзных публицистических работ, посвящённых Советскому Союзу в целом. Но у нас нет концептуальных работ, объясняющих, чем было советское общество, и, в принципе, основной поток работ по Советскому Союзу можно разделить на две части: «чёрная» и «белая» (а точнее – «красная»).

«Чёрная». Советский Союз – это исчадие ада, это тоталитарный строй, это то же самое, что гитлеровский Рейх. Аргументов, как правило, не приводится. В духе шакала Табаки раздаются крики: «Позор джунглям!», т. е. коммунизму, СССР. Причём кричат чаще всего люди, получившие в СССР и от СССР максимум благ: как говорится, едят и гадят в одном и том же месте только свиньи. Но тогда возникает вопрос: откуда же такие достижения? Я всегда говорю: послушайте музыку 30-х годов! Она демонстрирует энтузиазм.

Вот впечатление очевидца: в конце 30-х годов мой отец был слушателем академии Жуковского. Он её окончил и сразу ушёл воевать в 42-м году. То, что он рассказывал и о Москве рубежа 1930-1940-х годов, и о Советском Союзе, никак не укладывается в схему «тоталитарный режим». Это было совсем другое общество, чем то, которое нам рисуют и хулители Советского Союза, и его безудержные апологеты.

«Белая» часть работ. Апологеты Советского Союза тоже внесли немалый вклад в искажение истины о Советском Союзе. Если Советский Союз был таким раем, таким замечательным строем, откуда же взялась вся та погань, которая вылезла в Перестройку? Откуда взялись гайдары, чубайсы и пр., которые ломали и проедали наследие СССР? Их же не забросили с Марса или откуда-то ещё. Они были порождением развития самого советского строя, и их активно использовали определённые внутренние и внешние силы.

А. Фефелов: – *Может быть, советский период надо делить на несколько эпох?*

А.И. Фурсов: – Безусловно, было несколько эпох, но дело в том, что целый ряд противоречий, который был исходно заложен в советском обществе, развернулся в определённый момент. В принципе, у меня две главных претензии к работам по советскому обществу. Во-первых, отсутствие системного анализа: непонимание того, чем была эта система в целом. Потому что её плюсы имели обратную сторону – минусы, и наоборот.

⁴ Опубликовано в журнале: Сверхновая реальность. М., 2013. № 6. По материалам интернет-ресурса «ДЕНЬ TV» <http://www.dentv.ru/content/view/chto-takoe-sssr-chast-1>.

Вторая вещь связана вот с чем. Советское общество – советский коммунизм или реальный социализм, как угодно его можно называть в данном контексте, – возникло на пересечении двух потоков исторического развития.

Один – это русско-самодержавный, второй – мировой капиталистический. И только с учётом обоих этих потоков и их взаимодействия можно понять, что такое советский коммунизм. У нас же, как правило, Советским Союзом занимаются специалисты по советской истории. Те же, кто занимается капиталистической системой, Советский Союз не рассматривают. Они занимаются в основном Западом.

Однако коммунизм как феномен, как социально-экономическая система, мог появиться только в капиталистической системе. Ведь коммунистические идеи существовали со времён киников. Но коммунизм как социальная система возник именно как антикапитализм, то есть капитализм со знаком минус.

В этом отношении можно сказать, что капитализм – это особая система. Она может существовать со знаком плюс и со знаком минус. Более того, период её существования со знаком минус – это период её здоровья. В этом отношении анализ советского общества невозможен вне анализа логики развития капиталистической системы.

Я сейчас сказал о политико-экономической составляющей, но есть чисто политическая. Дело в том, что большевики реализовали левый якобинский проект Модерна, но реализован этот проект был именно на русско-европейской почве, а не на западноевропейской. Это лишний раз говорит, что мы должны говорить об обществе, которое возникло на стыке двух исторических потоков.

А. Фефелов: — *Но мы имеем 90 лет этого феномена. Из чего возник СССР? Из какой пены морской вышло...*

А.И. Фурсов: — «Когда б вы знали, из какого сора растут цветы, не ведая стыда...». Дело в том, что любая система, чтобы состояться, должна решить, снять противоречия предшественницы. Советское общество решило те противоречия, которые самодержавная система не могла решить. Этим базовых противоречий было три.

Первое противоречие заключалось в следующем. С середины XVI века шёл процесс освобождения или, если угодно, очищения власти от собственности.

Каждая господствующая группа (которая, кстати, создавалась и уничтожалась властью) каждой новой структуры русской истории – Московское самодержавие, Петербургская империя, пореформенная Россия – была многочисленнее предыдущей, то есть власть как бы разбухала. А вот собственности в руках представителей этой группы было меньше. У дворян её было меньше, чем у боярства, пореформенные чиновники вообще сидели на зарплате. Практически это был салиариат.

С другой стороны, во второй половине XIX века в России появляется «ублюдочный капитализм», и появляются такие сгустки собственности, которые противоречат процессу очищения от собственности. Противоречие власти и собственности здесь заключалось в том, что либо новая собственность разьест эту власть, либо власть очистится от собственности. Так должно было произойти по логике системы, и если элита-импотент не могла этого сделать, то сделать должна была контрэлита в союзе с частью народа.

Второе противоречие заключалось в следующем. В России, аграрной стране, земледелие всегда давало очень невеликий по объёму совокупный общественный продукт, и при нормальном существовании всегда был баланс между тем, что элита отчуждала у населения, и что оставалось последнему. Элита жила по тем потребностям, которые вытекали из характерной для данного общества системы работ, как сказал бы Маркс. Но в середине XIX века (по мере интеграции России в мировую капиталистическую систему, начиная с XVIII века)

произошёл скачок – значительная часть российских верхов начала жить по таким потребностям, которые русская система работ удовлетворить не могла.

Иными словами, чтобы удовлетворить их потребности, нужно было отнимать (выражаясь марксистским языком) у населения не только прибавочный продукт, но и часть необходимого продукта.

В данном отношении XIX век был катастрофическим народов России. Об этом очень хорошо написал наш блестящий публицист Меньшиков в своей работе, посвящённой XIX веку. Он очень чётко зафиксировал тот факт, что XIX век – век хозяйственного расстройтва России. Это необходимо прочесть всем, кто полагает, что Россия пришла к рубежу XIX-XX веков в хорошем хозяйственном состоянии. И, мол, какие мерзавцы-большевики, что всё это испортили. Ухудшение ситуации была связано с тем, что российская элита подключилась к мировой буржуазной системе потребления. Поэтому новая система, идущая на смену самодержавной, должна была устранить указанные противоречия. Она должна была поставить под контроль потребление элит, причём не так, как это было до интеграции России в капиталистическую систему, а ещё жёстче.

И, наконец, третье противоречие – это противоречие между великодержавным статусом России и её сырьевой специализацией: либо сырьевая специализация, либо великодержавный статус.

И все эти три противоречия разрешились во время Первой мировой войны и революции. Россия распалась, пришли к власти большевики, затем ввели НЭП, и, казалось, что эти противоречия разрешились в пользу собственников, как это ни парадоксально. Хотя большевики были у власти, но они-то и реализовали НЭП сразу после революции, и казалось, что именно по этому пути пойдёт развитие России. Но вышло по-другому.

При этом, однако, трагизм русской ситуации на рубеже XIX–XX веков заключался в том, что в России не было субъекта, который мог разрешить противоречия в пользу России, чтобы она осталась великой державой, чтобы были разрешены социально-экономические проблемы. Крах реформы Столыпина показал это со стеклянной ясностью. В той ситуации, когда в стране не находится субъекта перемен, он приходит извне.

А. Фефелов: – *Политический субъект?*

А.И. Фурсов: – Политико-экономический субъект. Мы говорили о тех противоречиях, которые должны были быть сняты в России. Интересен и другой вопрос: какие задачи ставила мировая капиталистическая верхушка на рубеже XIX–XX веков вообще и относительно России в частности?

Первая задача, стоявшая перед хозяевами мировой капиталистической системы в начале XX века, – взятие под контроль оставшихся мировых ресурсов: Африки и России.

Вторая задача – устранение возможных конкурентов ядра капиталистической системы (Великобритании и США) – Германии и России. Нужно было не допустить их роста, нужно было не допустить их союза, и нужно было стравить их так, чтобы они уничтожили друг друга.

Третья задача – взятие под контроль американских финансовых ресурсов. Это было сделано в 1913 году с помощью Федеральной Резервной Системы. Задача для Европы – создание единой Европы. Ялмар Шахт писал европейским банкирам, агитируя за Гитлера, что тот сломает национальные государства и создаст Венецию размером с Европу.

И, наконец, **последнее** – это развязать войну как лучшее средство решения всех этих задач. Но прежде всего нужно было присвоить русские ресурсы. Для этого в России нужна была революция.

Однако очень мощный наднациональный финансово-политический субъект не мог действовать в России, не имея там своего мини-субъекта-союзника. Этим союзником были

русские либеральные и революционные партии, которые играли свою игру и полагали, что они обманут «буржуинов». В конечном счёте им это удалось, но они обманули не тех, кто начинал игру. Да и обманули не те, кто начинал. Посредником между мировым буржуинством и антисистемными силами в России выступало мировое левое движение, левые глобалисты.

Против России выступал субъект о трёх головах: финансовый капитал (верхушка мирового капиталистического класса), левые глобалисты и российские революционеры. Вот этот трёхглавый субъект очень успешно и «завалил» Россию. Казалось, что дальше России уготована судьба либо «хвороста» для мировой революции, либо сырьевого придатка для Запада. Однако вышло по-другому. Первая мировая война, развязанная Западом для решения целого ряда проблем, пошла по-другому, не как ожидалось. Так часто бывает в истории, отличающейся, по словам Гегеля, коварством. После войны возник комплекс острых противоречий: между британцами и американцами; между всеми англосаксами и немцами; между Ротшильдами и Рокфеллерами и т. д.

В этой ситуации «мирового раздора» большая система под названием «Россия» оказалась способна переломить ход игры большой системы под названием «капиталистический мир». Сделано это было командой Сталина, которая выражала национальные и неоимперские интересы России. Команда Сталина похоронила проект «Мировая революция» и начала строить социализм в одной отдельно взятой стране.

Причём обратим внимание: первая фаза русской революции, интернационал-социалистическая, выполнила черновую работу. Она создала площадку для строительства новой России, расчистила место для нового субъекта и во многом создала его – вопреки замыслам западного Планировщика. Естественно, те, кто создавал эту площадку, ни о какой новой России не думали. Но это и есть то, о чём Маркс говорил: «Крот истории роет медленно». Вот крот истории и вырыл, так что те, кто создали площадку, не смогли ею воспользоваться. Сталин не дал. Этого они и их «пятая колонна» в России никогда не простят.

А. Фефелов: — *Итак, Сталин поломал планы глобалистов и эта большая система под названием «Россия» переломила глобалистскую экспансию. Собственно, здесь стал выстраиваться свой мир, своя «Красная империя», уникальная по своим параметрам.*

А.И. Фурсов: — Да, она стала выстраиваться с конца 20-х годов. Сначала был ликвидирован НЭП. Умные люди, кстати, почувствовали, что НЭП будет ликвидирован довольно рано. Например, писатель Ю. Олеша в романе «Зависть» хорошо показал, что НЭП будет сворачиваться. НЭП был ликвидирован, собственно, так, как и обещал Ленин. Ленин ведь в своё время сказал: мы, т. е. власть, ещё вернёмся к террору, в том числе к террору экономическому, и НЭП – это не кампания на одну хлебозаготовку, а «проект» на несколько лет. Так оно и вышло.

А. Фефелов: – *Замечательно Сталин процитировал Ленина: «Великий Ленин сказал: «НЭП – это всерьёз и надолго», но ведь не навсегда же».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.